

Олег Бушуев

Преображения Павла Волгина

роман в стихах

Олег Бушуев

**Преображения Павла
Волгина. роман в стихах**

«Издательские решения»

Бушуев О. Л.

Преображения Павла Волгина. роман в стихах / О. Л. Бушуев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748602-0

Виртуальная Россия, описанная виртуальным Пушкиным. Что бы было, если бы дух Пушкина мог вселиться в современного поэта. Как бы мог Пушкин описать современную действительность? Может быть, вот так... Астрахань — место действия романа. Каждый астраханец просто должен прочитать эту книгу. И не только астраханец.

ISBN 978-5-44-748602-0

© Бушуев О. Л.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграфы	6
Предисловие	7
Часть первая	15
Голос свыше	15
Продолжение знакомых строк	19
Астрахань и поэт	26
Знакомство с героем	34
История Павла Волгина	39
Познание жизни	47
Жизненный опыт	54
Признаки магических способностей	71
Совесь-наказание	74
Матрица совершенства	79
Выздоровление	82
Рассуждения о судьбе России	84
Часть вторая	88
Завязка	88
Возвращение в общество	95
Встреча с Петром	98
Разговор Петра с Павлом	104
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Преображения Павла Волгина
роман в стихах
Олег Бушуев

© Олег Бушуев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграфы

*«Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я б хотел
Давным-давно приняться за октаву.»*

(Александр Пушкин)

«Новый Лидер России долгие годы будет никому не известен, но однажды неожиданно войдёт во власть. Это произойдет благодаря силе своих новых, совершенно уникальных технологий, которых более ни у кого не будет, чтобы ему противостоять. А затем он возьмёт всю высшую власть России в свои руки, и никто не сможет ему противостоять. Впоследствии он же станет Властелином Мира, станет Законом, несущим свет и процветание всему сущему на планете... Его интеллект позволит ему овладеть всеми технологиями, о которых вся раса людей мечтала на протяжении всего своего существования, он создаст уникальные новые машины, которые позволят ему и его соратникам стать фантастически сильными и могучими – почти как Боги...»

(Эдгар Кейси)

*«Мои стихи – как письма из страны,
Откуда не приехать, ни вернуться.
Страницы затираются и рвутся,
Теряются на чердаках они.
На них я и не требую ответ.
Такие небольшие письма счастья.
Ну, как ни посмотри, пишу сейчас я
Из прошлых дней, а может быть и лет.
Кому-то это письма мертвеца,
Из тех времён, когда ещё писали,
Когда ещё чудес других не знали,
И верили и в Сына, и в Отца,
Порой в Святого Духа торжество...
Мои стихи – как весточки оттуда,
Где между слов проскальзывало Чудо,
И многое читалось между строк.»*

(Олег Бушуев)

Предисловие

Да, это грех, но так ведётся в мире:
Кумиров часто мы себе творим.
И в каждом сердце жив он – дух кумира,
Который тайно управляет им.
А мой кумир – любимец вольной музыки,
Стихом он разорвал земные узы,
И в мир бессмертных духов он попал,
Когда взошёл на книжный пьедестал.

Он жив в своей заветной лире вечно,
Он здесь со мной, он в воздухе самом.
Пишу сейчас свои стихи беспечно,
И кажется, что воплотился он
В моём стихе, воскрес для жизни новой,
Разбив годов тяжёлые оковы,
И дерзкий, наконец, свершил побег,
Но не в обитель чистых, светлых нег,

А в этот век над самым краем бездны,
Где призрак рабства и свободы дух
Сцепились в битве хваткою железной,
И кто из них останется из двух,
С победой гордо выйдя с поля боя,
Достанется кому какой ценою
Победа, знает это только Бог.
Нам Пушкин в битве той помочь бы мог,

Будь он сейчас среди нас живым поэтом.
Немало в жизни написал он строк,
В которых веет свежим духом этим,
Свободы духом. Жаль, что он не смог
Закончить то, что начал так счастливо.
И, может, это только справедливо —
Проникнуться свободным духом нам,
Чтоб плыть по строчкам, словно по волнам.

Он не пророк, но в тайны предсказаний
О судьбах мира был он посвящён.
Веков грядущих прозревал он тайны
И вразумить людей стремился он.
И смерти ранней, может быть, причиной
Презренье было к той возне мышинной,
Что жизнью все размеренной зовут,
Поскольку был напрасен этот труд.

Увы, сейчас Поэта все забыли,
И сдали навсегда его в архив,
В обитель мрака, тишины и пыли,
От бури современной жизни скрыв.
Усильями чиновной серой рати
Был проведен, как все мероприятия,
Помпезный и формальный юбилей,
И толстый крест на нём поставлен ей.

Да, Пушкин для меня – как будто солнце,
Как светлый бог иного бытия,
Но, всё же, избегая эпигонства,
Его стихов не повторяю я.
И словно от вина причастья весел,
Я говорю: «воистину воскрес!».
Толь это он воскрес, толь я, с небес,
Неслышную другим, услышав весть

О том, что ныне совершилось чудо,
И я могу теперь с ним говорить
И, недостойный славы, даже буду,
Как он когда-то, видеть и творить.
Хотя, быть может, это дерзость, всё же.
Artistic license* вымысла лишь сможет
Мою такую дерзость оправдать
И право творчества как дар волшебный дать.

В стихах он остаётся вечно с нами,
От низменных страстей и чувств далёк.
Как сон ночной ложится в подсознанье,
Так лёгкий стих его мне в душу лёг.
Всё сказанное мною тут не ново,
Ну а его божественное слово-
Оно всегда и ново и навек,
Как на вершинах горных чистый снег.

Со мной грустит он в царско-сельском парке,
Когда стою, о липу опершись,
Со мною у пруда он в вечер жаркий,
Когда свою обдумываю жизнь,
Когда домой задумчиво иду я,
Он тихо строчки мне мои диктует,
Но не из тёмной бездны, не извне,
А словно бы он сам живёт во мне.

Насколько я могу, всегда стараюсь
Признанья дань за слог платить ему.
Он для меня совсем не иностранец,
Хоть европеец, судя по всему.

Ища всегда в возвышенном опору,
Как и доньше, так и в нашу пору
С поэта образованный народ
Всегда примеры вольности берёт.

Сама национальная идея
Меж строк в его стихах заключена,
И я сейчас её назвать посмею:
Свобода – так для нас звучит она.
Лишь только с ней Россия возродится,
И ей лишь только вправе мы гордиться.
Да и не с ней ли в душу мне проник
Дух вольный ненаписанных им книг.

Одна из этих книг так начиналась:
«О сколько намъ открытій чудныхъ...» Стоп!
Как сердце, помню, юное сжималось
От этих мудрых строчек, как озноб
От слов бежал мурашками по телу!
Но хватит мемуаров, ближе к делу!
О чём в стихах хотел сказать поэт?
В том у меня давно сомнений нет...

Чтоб вечное не путать с архаизмом,
А с эпигонством верность образцам,
Важно не знанье книг, а знанье жизни,
Доступное одним лишь мудрецам.
Я заболел? Скажите мне на милость
И в том, что это всё так получилось,
Моя заслуга или судьба сама?
А может, просто я сошёл с ума?

Нет, то строка развития просила,
И в сердце верность Пушкину храня,
Я шёл за ней, и словно дух России
Сошёл его строфою на меня.
И сердцу захотелось продолженья,
Так рифмой чувства приведя в движенье,
В моей душе оживший вольный дух
Мне сразу обострил и взгляд, и слух.

А вдохновенью очень важен случай,
Поэту он как вздёрнутый курок.
Мысль друга или впечатленье лучше,
Чтоб от него поэт зажечься мог?
В меня строка уверенность вселила,
Заворожила рифмой, вдохновила.
И понял я, что чудо в мире есть,
И вдохновенье— это дар небес.

Ведь вдохновенье – суть стихотворенья.
Когда диктует свыше дух слова,
В которых можно видеть суть явлений,
Ты обретаешь твёрдые права
Пророка с мудрым даром ясновидца,
Но дар тот только может проявиться,
Лишь если можешь сердцем видеть ты,
Не отличая были от мечты.

Дух просвещения, опыт, случай, гений...
В подлунном нашем мире без него,
Без творчества, порыва, вдохновенья,
Увы, мой друг, не стоят ничего.
И труд души мне как освобожденье,
Как облегченье после восхожденья,
Как полной грудью долгий сладкий вдох,
Как взгляд на горы вниз из облаков.

Но в нашей жизни редко вдохновенье.
Оно – итог мучительных трудов,
И продолжаться может лишь мгновенья,
Блеснув на фоне прожитых годов,
Хоть кажется порой, что это муза,
Ища с тобой душевного союза,
На ухо шепчет рифмы в тишине.
Приятно ощущение это мне.

А слушать музу – следовать призыванию,
Быть не как все, во всём ища свой путь.
Не скорбь и грусть тогда приносят знанья,
– свободу, избавление от пут.
Ну а полёт души – бессмертья признак,
Его нам заменяет в этой жизни
Из узкой колеи своей побег.
Велик лишь только вольный человек.

И, словно осенённый благодатью,
Услышал я как будто эхо вдруг,
И рифму тут же записал: «читатель»,
И с нею гений, «парадоксов друг»,
В меня как дух вселился неизбежно.
И, сохранив нажитый опыт прежний,
Посредником его я в мире стал
И продолженье к строчкам написал.

И то, что вдохновенный я услышал,
Я в строки стихотворные сложил.
И подчиняясь светлой воле свыше,

О том поведать миру я решил.
Быть может, в жизни это раздвоенье
– и есть источник чистый вдохновенья.
Эпохи я хочу стихом связать
И, что поведал дух, пересказать...

Что ныне бред -поэзии примета,
Напрасно критик уверяет нас.
И что безумье – это знак поэта,
А стих – поток его бессвязных фраз.
Род философии порой – поэма.
Противопоставляем часто все мы
Напрасно к философии любовь
Священным откровеньям рифм и строф.

У Пушкина в стихах такого бреда,
Который ныне в моде, вовсе нет.
И безыскусность чувства – это кредо.
Таким, как он, и должен быть поэт.
Простым, доступным, только не банальным,
Не формой лишь одной оригинальным,
Но, прежде, осмысленьем бытия.
Таким, как он, хотел бы быть и я.

Размер в стихах совсем не так уж важен,
Будь это ямб, иль дактиль, иль хорей.
Да пусть хоть и гекзаметр будет даже,
На сотню лет моложе иль старей.
Но коли цели ясной строки служат,
Скажи, чем строфы пушкинские хуже
В эпоху этих быстрых перемен,
Чем беспородный нынешний катрен?

Критерии все ныне потерялись,
Ни в чём ориентиров чётких нет,
И вехи ставить я себе стараюсь
Из лучших достижений прошлых лет.
И пусть сейчас высокое не в моде,
А модно только пошное в народе,
Но есть же, к счастью, те, кто жизни смысл
Находят в устремленье мысли ввысь.

Слова стихов всегда чужды науке,
В душе от чувств рождаются они.
И лечат нас от ханжества и скуки.
Они как витамины нам нужны
В скитаньях наших среди забот и злобы.
И в эти годы наглости и стёба
В стихах душевной мудрости ищу

И ей цингу души своей лечу.

И не из низкой зависти к успеху
Теперь я в стихотворца превращусь.
Расставив в строках рифмы словно вехи,
По ним же я к себе и возвращусь.
Я – это я, ни Бродский, и ни Пушкин,
К чему чужой мне славы побрякушки?
Призванью свыше буду верен я,
И, может, вспомнят внуки про меня.

Оно ещё придёт, другое время,
И свой порядок в жизни наведёт.
В стихах как в землю втопанное семя
Мой вечный дух над временем взойдёт.
Хотя мне будет мало в этом толку,
Но всё ж свою книжкою на полке
Хочу порой напомнить о себе
Друзьям моим, отчизне и судьбе.

Мудрее я теперь, чем был я прежде.
Пока любовь в душе моей царит,
Пока ещё питаю я надежды,
Пока ещё бесценные дары
Порой от жизни этой получаю,
Великодушно, словно царь, прощаю,
В душе своей обиды не храня,
Всех тех, что не поверили в меня.

Я ждать привык. Смирился с ожиданьем,
Как с форс-мажором войн и катастроф,
Как с мыслью о конце, со страхом тайным,
И с рифмой, и с чередованьем строф.
Замедленный показ, где зритель дремлет
– ползёт улиткой по пространству время
Событий тех, которых очень жду,
Моё, ж, летит и тает на лету.

В стихах не буду душу на потеху
Толпе и черни раскрывать свою,
И оду ни стране своей, ни веку
В поэме философской не спою.
Не высказать души моей словами,
Хоть и хочу я поделиться с вами
Тем, чем живу сейчас и чем дышу,
И над стихом задуматься прошу.

Пишу я не для тех, кто отдыхает,
И кто всегда по ветру держит нос.

Пишу для тех, кто глубоко копает,
Ища ответ на каверзный вопрос.
И хоть живу в провинции у моря,
Себя мишенью ощущаю я,
Бываю я и с Богом часто в споре
Насчёт несовершенства бытия,

Но Бог меня пока оберегает,
Быть может, оставляя на десерт,
А может, на бессмертье обрекает,
Разрывом сердца заменяя смерть.
То, что живу в глухое время, знаю,
Но может быть услышит он сквозь мглу:
Как Зло на свете мне ни объясняют,
Но оправдать его я не могу.

На то, конечно, и даны Пегасу
Два рифменных крыла, чтоб мог летать,
Меня носил он часто над Парнасом,
Оттуда было далеко видать.
Страна стихов – невспаханное поле,
И должен рифмой распахать его я,
Чтоб прорастали в душах семена
Любви, в знак искупленья данной нам.

И пусть считает фарисеев племя,
Что клад на этом поле я ищу,
Раз, превращая острословье в лемех
Я поле русских слов вспахать хочу.
Мириа порой философа с поэтом,
Хочу пройти я с честью поле это,
Взрывая рифмой комья слов пустых,
По борозде, что называют «стих».

Всё в этом мире призрачно и зыбко,
И если что и нужно в жизни мне,
То это – милой нежная улыбка,
Порой глоток Мерло иль Шардонэ,
Да рифма —верной музыки откровенье,
В которой есть озноб прикосновенья
Того, чему названья в мире нет,
И то, что в мире видит лишь поэт.

Писать поэму эту начиная,
За плугом рифм по полю я иду,
Что потеряю, я пока не знаю,
И что на этом поле я найду.
Труд тяжек, но завидна, всё же, доля
Поэта—пахаря, а это поле...

Границ и вех не ведает оно.
Вперёд, Пегас! Начнём же с Богом!

Нно-оо!!!

Часть первая

Голос свыше

(Размышления о написанном под
диктовку свыше)

Голос:

**«Я жив, и вам в подлунном мире
Передаю от муз привет,
Мой дух живёт в заветной лире,
Пока живёт среди вас поэт,
Который рифмы сочленяет
И тем обет свой исполняет,
Глаголов горних слыша звон.
К священной жертве призван он...»**

\ Вот в строчку записал, что сердцем слышал,

«Я жыф, и вам ф пѣдлуннѣм мирь,»

\ Написана ещё одна строка:

«Пѣрьдаю ѣт мус прѣвет,»

\ Просматриваю робко то, что вышло.
\ Стихи, что нацарапала рука...
\ Совсем не так в дни Пушкина писали,
\ Те, кто как он, правописание знали.
\ Немного странен слов привычных вид,
\ Хотя, всё тот же русский алфавит.

*«Мой дух жывѣт в зѣветнѣй лирь,
Пѣка жывѣт срьдѣ вас пѣэт,»*

\ Немного трудно было мне читать.
\ Совсем не то, что мог я ожидать:

{ «Я живъ, и вамъ въ подлунномъ мѣрѣ
Передаю отъ музъ привѣтъ.
Мой духъ живѣтъ въ завѣтной лирѣ,
Пока живѣтъ среди васъ поэтъ,
Который рѣемы сочленяетъ
И тѣмъ обѣтъ свой исполняетъ.
Глаголовъ горнихъ слыша звонъ,

Къ священной жертвѣ призванъ онъ.»}

\«Ерь» на концах в словах исчез куда -то,
\Не видно также крестиков «ятей»,
\Слова «обет», «завет» – без «ерь», без «яти»?
\Пишу, что он диктует, без затей:

«Къторый рифмы съч'лняйт
И тем ъбет свой испълняйт,
Гльгольф горных слыша звон.
К свышенный жэртвь призвѣн он».

\Неграмотность сегодня, скажешь, в моде,
\Так принято у нас в инет-народе.
\Но Пушкин! Разве в слове «риѣма» ферг?
\И буквы «і» в «подлунномъ мірѣ» нет?

\На век двадцатый что-то это тоже,
\Условностей привычных лишено,
\Совсем правописание не похоже,
\Так что ж, мой друг, неграмотно оно?
\И Пушкина сочѣм с тобой невеждой,
\Как образцом его считали прежде?
\Иль просто шутит он, как он один
\Лишь только мог? Ну, Пушкин, щукин сын!

\Я всё же ожидал в строках Поэта
\Увидеть, пусть не «ижицу», так «ять»,
\Ищу «фиту» и «ять», и» і», но нет их,
\Так в чём же дело, не могу понять,
\Ну вот, загадка и ещё забота...
\Ах, понял! Вечный дух, в веках живѣт он,
\И, значит, может он, наверно, знать,
\Как будут в веке будущем писать,

\Приблизив на письме правописание
\К обычной речи, к месту упразднив
\Десятки правил. Хоть и очень странен
\Вид этих слов, но, значит, честно их
\В веках других как слышат, так и пишут,
\Без иероглифических излишеств.
\Всё изменилось, ведь прошли века,
\И жертва, всё ж, совсем не велика.

Дух Пушкина – как дома он в грядущем,
\Забыв условность прожитых тут лет,
\И в будущем, как было и в минувшем,
\В его стихах ни в чём двуличья нет,

\Нет лишних букв и слов, а знаки – знаки.
\Фонем правописание, однако,
\То отражает, звонок или глух
\Звук в речи, различаемый на слух.

\Не вижу также Щ среди согласных,
\Зато: жы-шы, чи— ши, чя-шя, чё-шё
\И «ерь» (ь) и «ерь» (ь) в слогах вместо неясных
\«и-е», «а-о», какие-то ещё
\Несложные совсем нововведения,
\Что уравнили и письмо, и чтение,
\В словах, где «го» писали, вижу «во»,
\Реформа победила? Каково!

\Я рад, что показать раздельность звуков
\Значками (») стало можно вместо букв,
\Ненужной стала сложная наука,
\Что Орфографией звалась, когда-то. Вдруг
\всем проще став, чем пареная репа,
\Вместо китайской грамоты нелепой.
\Традиция, что ныне мы храним,
\Конечно, ж, кажется такой нелепой им,

\Тем, кто живёт в столетиях грядущих,
\Консерватизм наш, он для них смешон,
\Как сохраненье лжи, разъевшей душу,
\Бессмыслен и не нужен людям он.
\Но лишь когда сменяются эпохи,
\Отбрасываем всё, что было плохо,
\И только удивляемся подчас,
\Как крепко старое держало нас.

\Пусть учатся потомки наши с детства
\Весёлому умению стиха,
\Где рифмы – выразительное средство
\Доступного к ученью языка.
\Когда зубрёжка правил неуместна,
\И сможет в школе каждого увлечь
\Пособие «Изящная словесность
\И точная и правильная речь».

\Так мог и Пушкин ожидать, что будут
\Потомки наши старому верны,
\Как и того, что с лёгкостью забудут
\Традиции далёкой старины.
\Всего того, Кирилл что и Мефодий,
\В дар с православьем варварским народам
\Когда-то отдали, не сберегут,
\Возьмут, да и латиницу введут.

\Хотели так революционеры,
\Над целым миром водрузить стремясь
\Серп с молотом как символ новой веры,
\С Европой новой наладить связь,
\Латиницу ввести по всей России,
\Но это оказалось не по силам...
\Слов не совсем привычных вижу ряд,
\Но всё – таки в душе немного рад,
\Что, не латиница в хождение, всё же,

«Glagol@v gorn'&h sli {a zvon,
K sv& {{'enn@i_} ertv& pr'izv@n on.»

\Хотя, по мне – удобнее она,
\И сохранила, как могла, похоже,
\Традицию старинную страна,
\Но и в развитии тоже не застыла.
\Волной времён лихих её не смыло.
\И хочется, чтоб в будущем теперь
\Она в Европу прорубила дверь.

\И хочется узнать, что там в грядущем,
\Раз видел дух его иные дни,
\Быть может, сквозь веков густые тучи
\В стихах они вдруг станут мне видны.
\И будущее с прошлым совмещая,
\И времени упругость ощущая,
\На всё я по-другому посмотрю,
\Как на восход июльский поутру.

\Пуškai Поэт рукой моею водит,
\Ему совсем не склонен я мешать.
\И даже кем-то медиума вроде,
\В его стихах готов теперь я стать,
\И пропускать их через призму знаний...
\Вот, написав, что Пушкин диктовал мне,
\Читаю строчку как в тумане сна,
\Мне с юности так памятна она\ :

*«О скол'къ нам ѳткрытъй чудных Гѳтовяг прѳсвѳшен'я дух И опыт,
сын ѳшыбѳкъ трудных, И геный, пѳрѳдоксѳф друк, И случѳй, бох
изѳбрѳтатѳл.*...» **+*

Продолжение знакомых строк

И дальше, слыша голос вдохновенный,
Идущий из веков, издалека
Потоком остановленных мгновений,
\Читаю то, что вывела рука:

О мой нь-ведъмый чьтатъл,
Тьбя в ньперсньки бьру
Словнъ тьварьшьм в – ыгру.
Чьтал ты, видьмъ, нь-малъ.
Што-жы ф пьэмь этъй ждѣт?
Нь-то ль, што ужэ бывалъ?
Нь-жданнъе л» пръбзъйдѣт?...
Нъч'нѣм с тьво, што срьд» пьэтъф
Ишо дъвно, брьдя пъ свету,
Тьво, кто б мок как я пьсат*
И мной хътя-б на время стат*.*

И передать, как чувствую, пытаюсь,
\Немного изменяя строк размер,
\Но в воздухе сегодняшнем нуждаясь,
\Пишу я всё-таки на свой манер.
И пусть простит взыскательный читатель
\Длинноты и суждения некстат,
И что в отвалах рифменной руды
\Найдётся много всякой ерунды.

\О сколько нам, мой друг, открытий чудных
\Уже готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок наших трудных,
И гений, парадоксов верный друг,
И случай, этот бог изобретатель.
\Привет тебе, неведомый читатель,
\Тебя сейчас в наперсники беру
\Товарищем в забавную игру.

\Читал ты книжек, видимо, немало.
\Что же тебя в поэме этой ждѣт?
\Не то ли, что когда-то уж бывало?
\Нежданное ли в ней произойдѣт?
\Начнѣм с того, что я среди поэтов
\Ишу давно, бродя по белу свету,
\Того, кто б мог в веках как я писать,
И мной хотя бы пусть на время стать.

\Уверен ты, что случай, опыт, гений
\Наверняка к открытъям приведут.
\Дух просвещенья, гений, опыт, труд
\Невежества и тьмы разгонят тени,
\Но только нужно знать в оценках меру,
\И нам Любовь, Надежду, Мудрость, Веру,
\Какие бы не наступили дни,
\Собой не смогут заменить они.

\Как мудрость невозможна без ошибок,
\А отрочество без мечты и грёз,
\Как нет удач и счастья – без улыбок,
\А умиления без сладких слёз.
\Как без цветенья не бывает плода,
\Правдивых слов не будет без свободы,
\И даже философия сама —
\И та – причуда вольного ума.

\Все ныне приспособились к моменту,
\Как будто оспин честности стыдясь,
\Удобнее для большинства сейчас
\Хотя бы чьим – то выступить агентом.
\Порою раболепие дворянства
\Переплетается с дворовым хамством.
\Вот так с державным в голове царём
\Без Бога в сердце часто мы живём.

\Поэт один лишь мудр, что ищет счастья
\Не в бурном вихре страсти и греха,
\И даже не в богатстве или власти,
\А в мире светлой магии стиха.
\Имеют смысл любые рассужденья,
\И образов цветные наважденья,
\Когда в строках за перезвоном слов
\– Царят Надежда, Вера и Любовь.

\Любовь даров взамен своим не просит,
\Нас обогрев у своего костра.
\И словно милосердия сестра
\Надежда нас порой из бед выносит,
\А Вера в силе нашей убеждает
\И от оков судьбы освобождает,
\Как компас мудрость к цели нас ведёт
\И заблудиться в жизни не даёт.

\Она приходит, мудрость, понемногу,
\Когда невольно понимаешь сам,
\Что все, что ожидал ты, слава Богу,
\Уже случились в жизни чудеса.

И ты уже давно не ожидаешь
Других подарков щедрых от судьбы,
И к небу вознося свои мольбы,
Ты дней своих как узник не считаешь.

Мудрец – наверно, это тот, кто знает,
Что тайна Бога, смысл Земли и звезд-
Загадка, что никто не разгадает,
Хотя ответ на все вопросы прост.
Но человек об этом забывает,
Стремясь составить мнение своё,
Вот так дитя игрушку разбивает,
Чтоб посмотреть, что двигало её.

Мудрец же целиком всё принимает,
Смысл жизни обретая в ней самой,
И жизнь из дней как пазл собирает
Неповторимый, неизбежный, свой.
Себя и всех других людей прощает,
Поскольку только мудрость освещает
Нам путь, приходит не ко всем она,
Надежды, веры и любви полна.

Пусть мудрости проверенные слуги
Смысл нашей жизни учат понимать,
Страдания наши – опыта подруги
И честность наша- праведности мать.
И смелость наша – вольности опора —
Условие победы в жёстком споре,
Которая всегда в тяжёлый час
Героев славных делает из нас,

И верю я в то, что ты с ними дружен
В твой очень сложный и безбожный век.
Тебе науки словно слуги служат.
Ты – очень просвещённый человек.
Ты царства магии застал начало,
Которой цифр больших наборы стали,
Их словно заклинанья учишь ты,
Порой не зная в формулах нужды...

Бывал в грядущем я и в днях старинных,
За жизнью самых разных стран следя —
Безвестных, век которых был недлинный,
Известных, тех, что в Лету нисходя,
Спустя столетия побед и славы
Внезапно исчезали, словно лавой
Борьбой вождей и классов сметены...
Мне, всё же, важен путь моей страны.

\Бессмертие даётся только духу,
\Что волен к горним звёздам воспарить
\И чудеса для разума и слуха
\Своим волшебным словом сотворить.
\Дух этот может в языке храниться.
\Пусть Богом суждено нам раствориться
\Среди потомков самых разных рас,
\Лишь он в веках останется от нас.

\И вот, я – этот дух, подобный вздоху,
\Как гугл крылатый над моей страной,
\Лечу и вижу сквозь туман эпохи
\Уход одной, потом приход иной
\Живой системы ценностей и знаков,
\Укладов, мифов, идолов, однако,
\Вот явно беды поздних лет видны
\И раны от проигранной войны.

\Во всём плоды я вижу просвещения:
\Воздушных в небе кораблей полёт,
\Людей простых на небо вознесенье,
\Морских судов под льдинами поход,
\В домах у всех прибор, что всё покажет
\И обо всём на свете вам расскажет,
\Поспорить и повздорить людям даст
\И даже за ус дерзко дёрнуть власть.

\Там чудеса, там вещи словно слуги
\Любому барскую даруют жизнь.
\Общаться можно издали друг с другом —
\Вот тут ты – о колонну опершись,
\Стоишь в тени Казанского собора,
\А он – твой друг- в глуши тверского бора
\Среди своих охотничьих забав,
\Замёрзшим ухом к коробку припав.

\В углах там, где иконам было место,
\Теперь окно стеклянное горит,
\И в нём, в окне, как, право, неизвестно,
\Мир духов память прошлых дней хранит.
\Там духи говорят, поют и пляшут,
\Кричат, зовут, и вам руками машут,
\Дух даже тех, кого давно уж нет
\На белом свете очень много лет.

\На улицах стоят домов громады,
\Но лошадей совсем не видно тут,
\А экипажи с жутким рыком ада

\Сплошной рекой железною текут.
\Огнём холодным ночью город светел,
\При жизни никогда на белом свете
\Див и чудес я не видал таких,
\И горд я тем, что русский гений в них,

\Во многих делом всё же воплотился,
\Но много вижу всюду черт плохих.
\Жаль, что народ в ораву превратился,
\Всегда готовый убивать своих,
\Предпочитая дружеству насилие.
\О Боже, где же ты, моя Россия,
\Та, о которой я порой мечтал,
\Здесь словно дух свободы не витал?

\Свобода тут ещё должна родиться
\Из кокона сумбурных этих дней,
\Страна моя должна преобразиться,
\Я знаю, вам ещё гордиться ей,
\Но вижу в душах многих зло и подлость,
\И низкой лжи отменена осёдлость,
\И суета во всём, и маета,
\И нет на большинстве из вас креста.

\Всем правит не стремленье к совершенству,
\А бесовство людских страстей дурных,
\Отсюда – казнокрадство и мошенство,
\Стяжание богатств и благ земных
\И ненависть в недобрых и порочных,
\Но также есть и те, чьи чувства прочны.
\На них одних и держится страна,
\Их творческим трудом освящена.

\Куда же мне, бесплотному, податься?
\Куда—нибудь в леса, в деревню, в глушь,
\Где можно б было творчеству предаться,
\В одну вселившись из чистейших душ,
\Что верной мне средь войн и смут осталась.
\Ты знаешь, духам не дана усталость.
\Так странствовал бы дальше по стране.
\Но вот я вижу, что везёт уж мне.

\Немного в мире есть певцов, чьи строфы
\Подобны искупленью за грехи
\Народа, и несут как на Голгофу
\Они как тяжкий крест свои стихи—
\А в них не развлечение счастливых,
\Не жалкая забава нечестивых
\Или юнцов, чей узкий кругозор

Закрыл собой любовных чувств забор.

Я вижу в них Поэзии атлантов
С душой кристально чистой и талантом,
Открытьями их преисполнен стих.
А вот и он, Поэт, один из них.
Хотя и не «укушен он пчелою
Печали», муки и страданья злою,
Но всё же мне он под руку попал,
И так для духа медиумом стал.

Я жив, покуда в мире есть поэты.
Средь них я руку верную найдя,
Вожу ей по листу, на всё на свете
Словно глазами новыми глядя.
И как удачно это всё сложилось,
Быть может, в этом скрыта божья милость,
Что медиум мой так влюблён в мой слог,
И, значит, как и я писать бы мог.

Давно мой вечный дух незримо бродит
Среди поэтов разных по земле
И в их сердцах приют себе находит.
Как будто ветер уголья в золе
Он души их порой воспаляет.
Порой и мысли их он направляет,
А с ними руку, пишущую стих,
Но выбирает всё же он из них

Того лишь только, кто его достоин,
Того, кто русских слов ларец открыв,
Увидеть может в сложности простое
И вечное сквозь призму ясных рифм.
И в громком шуме мира шёпот слыше,
Кто, как и я когда-то, ясно слышит,
Настроенный на стих как камертон,
Вот, наконец-то, вижу- это он...

Вот я и тут, в его вселившись душу,
Я вновь в котёл мирских страстей попал,
Мне, духу вечному, сей опыт нужен.
Поэту ж сильным потрясеньем стал
Приход мой, и в своём воображенье
Он словно пережил преображенье.
Теперь в душе он – Пушкинь, то есть я.
Итак, я ожил в нём, мои друзья.

Его душа с моей соединилась,
Слова эпох в одном потоке слились.

Я вовсе не смущаюсь от того,
Что мне в уста, так же как я в его
Свои слова, идеи, рассужденья
Непроизвольно без предупрежденья
Вложить в строке порою смеет он.
Ведь в этом весь слиянья душ закон.

Астрахань и поэт

Я вижу снова город в дельте Волги,
Что русский уж почти полтыс'чи лет,
Его глазами. Там, где не был долго,
Годов прошедших словно бы и нет.
Тут как мечи златые, с солнцем споря,
Виднеются вдали кресты соборов,
А над тремя мечетями, подряд
Как сабли полумесяцы горят.

Тут взгляд манит палитрою осенней
Косых заборов дикий виноград.
Уже деревья-великаны землю
Своим червонным золотом мостят.
То тут, то там вздымаются хоромы,
И сонный мир таинствен и огромен.
И так же праздник в воздухе разлит,
И праздность словно дух над всем царит.

Недалеко канал в лучах искрится,
На крыши смотрит солнце свысока,
Тут в зеркало воды глядятся птицы
И белые как вата облака.
Вот вижу дом, как буква Г, в котором
Служенье близким людям, разговоры,
Но если не считать часов, когда
Опять душа готова для труда.

Дом тихий словно прячется от сглаза,
И нарушает только лишь один
В тиши полуденный призыв к намазу
Спокойствие татарской слободы.
И в этом доме, где бывал Селенский**
(вот балагур!), живёт сейчас вселенский,
В том у меня совсем сомнений нет,
Но астраханский, всё-таки, поэт.

Я помню этот старый город южный
И с минаретов муэдзинов крик,
Татар-базара шум и гам натужный,
Рядов гортанный рыночный язык.
И белый кремль с зубчатою стеною,
И Волгу-реку с вольною волною,
Широких жарких улиц сушь и пыль,
И южной степи высохшей ковыль.

Я побывал инкогнито когда-то
В сем городе, ел чёрную икру,
Вкушал плоды земли в садах богатых
Суворовских, смотрел из лож игру
В театре драмы, коему ровесник,
Притом, листал, дремля, губернский вестник,
Успенский посещал в кремле собор,
И в праздники церковный слушал хор.

Ещё в архивах рылся я губернских,
Ища про войско Пугачёва весть,
Бывал два раза на обедах земских,
Не мог лишь только оказать я честь
Губернской властью облечённым лицам,
На бал, назвавшись Пушкиным, явиться,
Или в собрании стишком блеснуть,
Иль за девицей модной ухлестнуть.

Без бакенбард, едва себе бородку
С усами Дон Хуана отрастил,
Наняв рыбацкую в лабазе лодку,
В селе приволжском пару дней гостил.
Я там уши попробовал ловецкой,
Ловцов дивился силе молодецкой,
С ватагой шумной выловив с утра
Длиной с телегу чудо-осетра.

Царь – рыбы, солнцем вяленой, отведал,
Что волгари назвали балыком,
Икры вкусил ястычной за обедом,
Знакомясь так с татарским языком,
Который блюдам дал названья эти,
Вкуснее ничего на белом свете,
Хотя и на больших пирах сидел,
Признаться честно, сроду я не ел.

Про Пугача и Разина рассказы
В тетрадку, как привык, я записал,
И дожидаться смирно стал okazji,
И собираться в дальний путь я стал.
И, переполнен замыслов кипучих,
И впечатлений юга самых лучших
С большим отрядом местных казаков
Уехал прочь я. Был мой план таков:

Когда-нибудь сюда, Бог даст, вернуться
И этот чудный южный край воспеть,
В просторы эти снова окунуться,
Пыль, жажду и жару перетерпеть,

Как терпит стужу северянин каждый.
Залив арбузным свежим соком жажду,
В степи под этим звёздным небом спать
И смуглостью лица похожим стать

На местных сельских россов и ногайцев.
Мечтал, приехав на российский юг,
Кувшинками в протоках любоваться,
Вот, думал я, вернусь сюда, мой друг,
И в знойный день в тени арбуз холодный,
Блестя своей раскраской благородной,
По шву вдруг треснет громко в тишине
И райский сладкий сок подарит мне.

Царь-ягоды держа ломоть хрустящий
Словно бокал искристого вина,
Вкушу арбузной красной влаги, слаще
Которой в жизни мало что я знал.
Вдохну вновь терпкий горький дух полыни,
Увижу вновь царя полупустыни —
Верблюда – чудо о двоих горбах,
И юных дев ногайских на арбах,

И прилетят толпой ко мне виденья
Сарматских диких плясок и пиров,
Пройдут раввинов иудейских тени
Дыханием лихих степных ветров.
Я думал: средь бугров степных кочуя,
Ужо обычай древний опишу я
Народов гордых, чей простыл и след,
О коих уж нигде помину нет.

Но жаль теперь, при жизни не пришлось мне
Вернуться снова полным сил сюда,
Где племена живут, не зная розни,
Лет пролетела мимо череда.
Мой вечный дух, летя на позывные,
Вновь призван был дела уже иные,
Иные дни и судьбы описать,
Мир духов и людей стихом связать.

Себя не узнаю в строке порою,
Вы скажете, теперь тяжёл мой слог,
Сухой и неказистый он, не скрою,
Но так лишь стих теперь слагать я смог.
Иные дни теперь, иные темы.
Ах, знали б вы, как сильно давит время!
Века с имения стихотворных строк
Берут привычной лёгкостью оброк.

Увы, иными ныне стали люди,
В календаре уже иные дни.
Но русскими мы оставаться будем,
Пока поит нас русских слов родник,
Пока на этом грешном белом свете
Порой ещё рождаются поэты,
Что красотой рифм ласкают слух
И возвышают музой русский дух.

В кого я воплотился ныне —
Совсем не важно, всё таков
Мой вольный нрав, я без унынья
Царю в империи стихов.
А тот, кто пишет эти строки,
Урывками он брал уроки
В стихах моих и принял дух,
Чтоб свет мой с веком не потух.

Стихов российских механизм он
Постиг не сразу, хоть умел
Строфу закончить афоризмом
И страсть к метафорам имел.
Не знал он жизни, и деталей
В его поэмах не хватало,
И ткань их потому рвалась,
Что без основы сей ткалась.

Он с юности мечту лелеял:
За рифмы надолго засесть.
Но жизнь – не тихая аллея,
Где время для прогулок есть.
Он долго ждал того мгновенья,
Когда польются откровенья.
Тех, кто вымучивает стих,
Невольно презирал он их.

Войти в сообщество поэтов
Из гордости не захотел,
В котле критических советов
Вариться – не его удел.
А рифмовать и так умел он,
И мыслил образно и смело.
И нитью новых смыслов мог
Стих вышивать на пяльцах строк.

Ему куда б труднее было
Судить литературный цех,
Когда бы в этот цех входил он

И просто был одним из всех.
И в тине личных отношений,
Смирившись с тем, что он не гений,
А стихоплёт, убог и мал,
Он похвалы бы принимал.

Но избежав судьбы богемной,
Всех усредняющей среды,
Мой новый друг остался верным
Себе, не видя в том беды,
Что, как они, не издавался,
Что, как они, не продавался,
Что с ними он не выпивал
И никому не подпевал.

Он ощущал себя богатым,
Казну души наполнил он
Червонным золотом закатов,
И зеленью прибрежных лон.
К окну прильнув словно к картине,
Он паутину как патину
На дорогом холсте ценил.
И в памяти своей хранил

И неба шёлк, и бархат луга
В алмазах утренней росы,
И ветра летнего упругость,
И гром, и сполохи грозы.
Но стилем был он старомоден,
Писать любил он о природе,
Доволен жизнью был вполне.
Понравилось в нём очень мне,

Что был лишён он хищной хватки,
И острых для других локтей,
Интеллигентские повадки
Имел, как вымершие те...
Мог наслаждаться он рассветом,
И абрикосов вешним цветом,
А летом сбором их плодов
В отдохновенье от трудов.

Он понимал: чтоб быть счастливым,
Достаточно себя сравнить
С тем, кто лишён свободы,
Либо кто совестью себя казнит,
Или болезнью страшной болен,
И жить, как хочется, не волен.
Достаточно здоровья нам,

Счастливыми чтоб быть сполна.

Кто счастлив, может обходиться
Без лишних денег или благ.
И каждый может убедиться,
Что нам не то важно как знак
Успеха: в банке счёт иль должность,
А то, имеешь ли возможность,
Счастливым быть без мишуры
Навязанной тебе игры.

Довольно, чтоб лишиться рая,
Условия игры принять.
Мы это рабство выбираем,
И нечего судьбе пенять.
Зависеть от чужого мненья,
Чтоб избежать его презренья,
Власть и богатство получить,
Свободными от них чтоб быть!?

Чтобы несчастней всех несчастных
При всём своём богатстве стать
В покоях средь вещей прекрасных,
Достаточно лишь осознать:
Того, что ты имеешь – мало.
Да, зависть. Что же? И бывало:
Унижен чьим-то чванством, он
Был этим чувством заражён.

Но не был он среди уродов,
Что признают один успех:
Не только быть вождями моды,
Успешней и богаче всех,
Но всех завидовать заставить.
Им счастья больше не доставить,
Чем зависть показать свою.
Так кровь людей вампиры пьют.

Опасна зависть. Да и счастье
Как солнце светит не всегда,
Его скрывают тучи часто.
Но тучи – это ерунда.
Догнать других он не старался,
Считая, что уже добрался
Он до вершины, и ему
Мирские страсти ни к чему.

Так и Христос в своём ученье
Нас призывал жить днём одним,

Воспринимая как мученье,
Других людей несхожесть с ним.
Но так не хочется быть нищим!
И жизнь есть жизнь, и счастье ищем,
Живя среди живых людей,
А не средь благостных идей.

А он жил среди рифм и строчек,
И мнение общества сего
Не много значило, а, впрочем,
Жить он учился без него.
И даже презирал мажоров,
Гламурных кукол, у которых,
Как мысль одна, одна мечта:
Чтоб быть у черни на устах.

Достоин всякий труд признанья,
Нельзя ценить доходом всех.
У Бога бы искать нам ране
Себе признанье и успех,
Чем у толпы иль светской черни,
Всё это – суета, поверь мне,
А счастье с жизнью нам дано,
И всем доступно нам оно.

Потребности он утолил,
Жизнь без которых невозможна.
К другим же безразличен был,
Хотя, для многих это сложно.
Ценил он знания из книг
И поэтическое слово.
Хотя вершины не достиг
Он пирамиды А. Маслоу,

И был, конечно, либерал
Он как и я в своих воззрениях.
Свободы лишь одно значенье
Из многих прочих выбирал,
Когда «права» – не просто слово,
А жизни главная основа,
Когда вполне свободен ты
Осуществлять свои мечты.

Поставить с головы на ноги,
Когда б либерализм могли,
То б полились в казну налоги
И капиталы притекли,
Чиновничье бы иго спало,
И время светлое б настало,

И был бы каждый – стар и мал —
По убеждениям либерал.

А нынче каждая корова
На либерала точит рог,
Стремясь очкарика гнилого
Боднуть и сбить рогами с ног.
То пастушонок камень бросит,
То путник бедного поносит,
То на экране не один
Холуйствующий господин

Его запишет в маргиналы,
За то, что некогда посмел
«The Times» читать в оригинале
И мнение своё имел.
Как я, болея за свободу,
Хотел поэт помочь народу,
Чтоб он яснее понимал,
Кто ряженный, кто либерал.

Итак, он – мой путеводитель
По вашим новым временам.
России современной житель.
Но стоит ли сердиться вам,
Что, в каждом миге видя радость,
Чихая на престиж и статус,
Небесным зреньем наделён,
Он сам себе Наполеон.

Он знал про рынка конъюнктуру,
Но под коммерческий каток
Стихи свои, свою натуру
Во имя денег класть не мог.
Не зарабатывал стихами,
Чтоб не носить на сердце камень,
Он для души своей писал
И, как бы, виртуальным стал.

Где графомания – искусство,
Там гений – просто графоман,
Пока он жив, живые чувства
Не ценим, нам важней обман.
Он знал, непризнанный при жизни,
Вот, после, да, он будет признан,
И замыслом великих книг
Рвал веком выданный ярлык.

Знакомство с героем

Онегиных у нас немало,
Искал я тип сложней его.
Так познакомился я с Павлом
Через поэта моего.
Вот так мы подошли к герою,
Который, как и ты порою
Как с ветки сорванный листок,
Попавший в мчащийся поток.

Какую роль он тут играет?
А в том, чем близок нам и мил,
Не нас ли он напоминает,
Не нас ли чем-то повторил?
Геройство сходно с лицедейством:
Служить Добру или Злодейству
На сцену вызвали его —
Герой не ведает того.

Но наш герой – не злобный гений,
Решивший Землю покорить.
Умён и добр он, нет сомнений,
Способен мыслить и творить.
В него и верю словно в Бога,
Чудес в моей поэме много,
Герой мой – феномен, но он,
Конечно ж, не изобретён,

А прямо мной из жизни взят он.
Фантазия всегда бледней
Реальности. Вот та богата.
И сказка не сравнится с ней.
Во всём есть тьма ограничений,
И в том источник приключений.
Хоть многое свершить бы мог,
Всё ж человек он, а не Бог.

А в чём причина феноменов?
Что нас, как будто ветер – пух,
К успеху гонит неизменно?
Что, если не свободный дух?
Так, может, вместо вечной веры
В хозяина небесной сферы
Взять и увериться в себе,
В своей божественной судьбе?

В себе узнав сверхчеловека,
Что духом вечен словно Бог.
Кто сам себе и яд, и лекарь,
Кто уподобиться бы мог
Богам и в мыслях, и в поступках.
Не сделав ни одной уступки
Дурной природе, и судьбой
Вертел бы, став самим собой.

Так знай, в себя нам верить лучше,
Как в Магомета иль Христа.
Любой из нас – лишь частный случай
Мятущегося Божества.
Когда себя мы Богом мерим,
Притом, в себя как в Бога верим,
Или когда в нас верят так,
Сверхчеловеком стать пустяк.

Я понимаю: как примеры,
Нудны святые и скучны.
Как схемы, коим мы не верим,
Что в житиях заключены.
Отчаянным мы подражаем,
Но мучеников уважаем,
Хоть мучиться мы не хотим,
Мы всё ж, готовы верить им.

Таланты есть среди великих,
А также и среди простых,
Средь просвещённых и средь диких,
Средь грешников и средь святых.
Мир мудрых мыслей им как Мекка.
Но звания сверхчеловека
Достоин тот лишь человек,
Что к совершенству шёл весь век.

Таков герой. Когда бы все мы
Вдруг получили от небес
Любви к нам Бога дар бесценный —
Талант – источник всех чудес,
И против Зла объединились,
Тогда б судьба Земли решилась.
И стал всем править, наконец,
Не разрушитель, а творец.

Будь Павел прост и примитивен,
Кто б стал сочувствовать ему?
Пусть даже если не противен,
Вот если бы попал в тюрьму,

Или калекой стал несчастным,
Он вызвал бы у нас участие,
Потом бы пусть разбогател
И нашу радость вызвал тем,

Что справедливость существует,
Враги наказаны сполна!
Добро как в сказке торжествует,
И наш герой приятен нам.
Как жизнь богата на сюжеты!
Я благодарен ей за это.
Поэмы пишут и для дам,
А те не могут жить без драм.

Итак, он был широкоплечим
И светлоглазым, и большим,
Наивностью хоть не отмечен,
Идеализмом всё ж грешил,
И поклонялся только Битлам.
А толпы называл он быдлом.
Под глазом лёгкий тик имел,
Кур и свинину он не ел,

Свинью считал он с обезьяной
За прародителей людей,
И в человеческих изъянах
Винил природу пары сей,
Считая род людской химерой,
Ну, как кентавра, для примера,
Иль сфинкса, что в песках лежит
И знает, кто и с кем прижит.

А куры? С детским впечатленьем
Он так запомнил петушка,
Что бегал по задворкам тенью,
Хотя отрублена башка.
И впечатлительной натуре
Старушка древняя культуру
Напрасно силилась привить,
Уча во всём примером быть,

Внушая, что кровей он царских.
Породистый он вид имел,
Хоть не носил усов гусарских,
Да и ценить себя умел,
Знал из семейного преданья:
Его пра-пра-прабабка Таня
Из дев полянинских была
И родословную вела

От самой милой из безбожниц...
Имели первые цари
Как и Владимир – князь, наложниц.
В Поляну, бросив третий Рим,
Царь Пётр навевался к девам
Плестись песен их напевом,
Их любоваться наготой
И бесподобной красотой,

Да предаваться развлечениям.
Клянусь, не устояли б вы
Перед диковинным влеченьем
Искусных баловниц любви.
А как они играли в жмурки,
Из рук выскользывая юрко
И хитроумно, и умно
В Купалу ночью за гумном!

Когда сам царь, отстав от свиты,
Нагих девиц впотьмах искал
Цветов гирляндами увитых,
Схватив, их гибкий стан ласкал,
Чтоб среди дев, на нимф похожих,
Найти по аромату кожи,
По вкусу губ и форме тел
Ту, что он больше всех хотел.

И насладившись красотой,
Обласканный десятком рук,
Он оставался на ночь с тою,
Что знала тонкости наук,
Известных пленницам гаремов,
Забыв про царство и про время.
И в тайных игрищах ночных
Была та дева лучше них.

Когда же сладкие забавы
Давали грешные плоды,
В отставку без излишней славы
С наградой за их «труды»
Дев отставляли, заменяя
Другими, вряд ли вспоминая,
Что там, в краю лесных осин
У них дочурка или сын.

Те, подрастая, шли в ученье,
На службу к батюшке царю,
Приобретая там значенье,

Я о деньгах не говорю,
За службу получив дворянство,
Они не знали в мыслях чванства:
Что я, мол, родственник царям,
И не чета плебеем – вам.

Наш Павел чопорность дворянства
С уроков бабки не терпел,
Не отличался постоянством,
Свой шанс увидеть он умел,
Имея от природы сметку.
Он брал, что надо, *на* заметку,
Хоть и ошибки совершал,
Но, всё же, много обещал.

История Павла Волгина

Родился он на юге жарком,
Где солнце, ветер и волна
Характер формируют яркий,
И не заслуга, не вина
Его в том, что горяч и ветрен,
Как будто степь хмельная летом,
И вспыльчив так мятежный нрав,
Как сухостой осенних трав.

Прекрасно Нижнее Поволжье.
И Волга Богом в дар дана,
Достойна од любых она.
И степь под знойным солнцем тоже.
Вон там – ильмень -большая лужа,
Там -коршун над буграми кружит.
Тут -на ковыль и облака
Верблюды взирают свысока.

Верблюды тот перевозит грузы.
Запас воды в его горбах.
Полна скрипучая арба
Душистых дынь, больших арбузов.
И так же он высокомерен
И в превосходстве так уверен,
Как очень часто те из нас,
Кого прибило в «средний класс»,

Коттеджем с кортом иль другой,
Кто обзавёлся раньше прочих
Подчас полезною не очень,
Зато игрушкой дорогой.
Ей как ребёнок он гордится,
Для взрослых это не годится.
А он – как тот верблюд с горбом,
Становится арбы рабом.

Не жалко мне того верблюда,
Все тащим мы свои арбы,
А всех счастливей в мире – люди,
Свободные от пут судьбы.
Да, совершенствованье духа —
Не всем доступная наука,
Блажен тот, кто её постиг
Из опыта, а не из книг.

Носило мистики печать
Героя нашего рожденье.
Здесь о его происхожденье
Я мог бы просто умолчать.
Хотя и интересно. Впрочем,
Оно, быть может, и не очень
С той мистикой имеет связь.
Нет, всё ж, поведаю для вас.

Жил первый прадед «при царе»
При штабе армии в Варшаве
Был генерал, служил державе.
Второй – в оркестре при дворе
Был музыкантом круглолицым.
Лишь в сорок лет сумел жениться.
Был балагур и острослов.
А позже волжских промыслов

Приказчик был весьма проворный.
Под Люблином ещё один
Имел свой хутор и подворье.
Зажиточный был господин.
Известен был в своём уезде,
Но генерал к нему не ездил,
Не упивался с ним вином

За польским приданным столом.
Не важно, кто четвёртый был,
Какого званья и дохода,
Октябрь семнадцатого года
Сословья как бы отменил.
Тех обесславил, опозорил,
А тех изгнал и разорил,
Врагами сделал и рассорил,
Но всех их в Павле примирил.

А в девятнадцатом, в котором
Страну власть Хама заняла,
Оставили живым дела
Все четверо, хлебнувши горя,
И умерли. Тот от удара,
Тот от тифозного угара,
И каждый от чего-нибудь,
Как век их, кончили свой путь.

В походах и боях своих
И деды были в разных станах,
Но это было б, право, странно,
Когда бы не любил он их.

Слова: вахлак, золоторотец,
Буржуй, кулак и враг народа...
Все он профессией считал
И равно всех их почитал.

Погоны спрятав и кресты,
Дед первый умер в Туркестане,
Альбомы старые листая,
Наш Павел власти не простил,
Что фото деда в них не видел.
Он ни за что б его не выдал.
Второй, кого он знал живым,
На Соловках был звеньевым

Из заключённых. Рыбной ловлей
И зэков, и НКВД
Кормил как спец по доброй воле.
Ловил он рыбу в той воде,
Где баржами врагов топили.
Штырём сквозь лёд он пробивал
Те черепа, что в зиму всплыли,
Так срок свой первый отбывал.

Моряна дула, шли дожди
В тот день, когда родился Павел,
А дед в то время в море плавал.
Теперь он Каспий бороздил
На сейнере под хмурым небом.
Задержанный на проходной
За взятую буханку хлеба,
Там новый срок мотал он свой.

В такие дни рождались люди,
Кого народ в вожди избрал.
Сказала акушерка: будет
Младенец, верно, генерал.
Погода всех перепугала.
Стремясь всю землю потопить,
Над хлябью молния сверкала...
Ну, будет вождь, тому и быть.

Лет в пять прочёл он «Буратино»,
Где иллюстрация одна
Привычной бедности картину
Ему напомнила. Она
Показывала бедных хижин
Худые крыши, если ближе
Посмотришь, бедных мужиков,
И всё странною дураков

В той книжке называлось это.
На корабле трофейном, летом
В село однажды по реке
С любимой книжкой в руке,
Он ехал с матерью, глаза.
По берегам была Рассея,
Вдруг он воскликнул: «Вот она!
Смотри, та самая страна!»

Те самые худые крыши
Гнилых, от пыли серых хат...
Вдруг слышит окрик: «Тише! Тише!»
Не зная, в чём он виноват,
Какую он озвучил ересь?
Шептал он, взглядом в берег вперясь,
Что звалось: вражеский поклёп,
За что тюрьма иль пуля в лоб.

Совсем взрослеть не торопясь,
Он рос, почитывая книжки.
Когда соседские мальчишки
Вступали в половую связь,
Пытаясь сексом утвердиться,
Он стал в библиотеках рыться.
Хотел узнать из книжек он,
Вселенной правящий закон.

Понять, как движутся фотоны,
Как плотен вакуум и что
Такое странность пи – мезона,
Где антимир, и создал кто
Вселенную из дробных кварков.
И почему в кино нам жалко
Людей, обиженных судьбой,
А так нам не до них с тобой.

В чём жизни смысл – в познание мира
Иль в исправлении его?
В чём способы, чтоб видеть шире,
И как из хаоса всего
Одно собрать изображение?
В чём скрыт секрет преображенья,
В чём связь крещения с водой,
И как нисходит дух святой?

В душе он тоже был поэт,
И романтизм не чужд был Павлу.
Но хоть порой стихи писал он,

Свой дар болезнью юных лет
Считать, как многие, был склонен,
Был без застенчивости скромн,
И то стихами мог считать,
Что вновь и вновь хотел читать.

В своих стихах он не подругу,
Красу вселенной воспевал.
Границу жизненного круга
Границей он не признавал.
И место человека в мире,
И солнца и планет в эфире
Понятно было для него.
Он не от мира был сего.

Проблемами вселенной занят,
Он жизнь вокруг не замечал.
Не озлоблялся, не ворчал,
Надеясь, что жизнь лучше станет.
Стремясь быстрее в угол свой
Вернуться к книгам, сам с собой
Нередко в спор вступал научный,
И жизнью жил совсем не скучной.

Он лишь поэзию читал,
В свободу, словно в Бога, веря.
Соцреализм, же, он химерой,
В отличие от неё, считал.
Другой реальности доверяясь,
Он знал, что здравый смысл —
тут ересь, И мысль свободную ценил,
Что в этих книжках находил.

На взлёт мог Павел отличать
Хороший стих от словоблудья,
Так разбирался он и в людях,
Хоть на себе носил печать
Беспечности. Жил днём единым
И был немного нелюдимым,
И искушений избегал,
Что мир подлунный предлагал.

Так с Бродским был герой мой схожий,
Любил читать стихи его.
Что, может быть, важней всего,
И в чём ещё они похожи,
Они поэзию любили
И в ней начитанными были,
До Бродского и мне сто лет,

Второго же такого нет.

Но грань безумья и рассудка,
Где и родится волшебство,
Дана немногим, словно в шутку,
И может так лишь меньшинство
Нежданный образ вызвать словом,
Хоть правила игры готовы
Не все принять. Но тот и тот
Их принимали без хлопот.

Был Павел нетерпим к порокам,
Не мог их в доблесть превращать,
Он подлость не умел прощать,
И тем он был к друзьям жестоким,
И принципы он старомодно,
Что было очень неудобно,
Терпимости предпочитал,
За что порой он и страдал.

Такие люди раньше были.
Они одну всерьёз любили
Пришелицу из сладких грёз.
И принимали всё всерьёз.
Ей верность в мыслях соблюдали
И ревновали и страдали.
Сказать им стоило трудов —
Жизнь кончилась или любовь,

Когда с любимой расставались,
Как счастье вспоминая дни,
Когда утехам предавались,
По гроб в подругу влюблены.
И вдруг проснувшись, понимали,
Что разлучившись, потеряли,
Любви не ведая иной,
И часть себя, и рай земной.

И он познал влюблённость тоже.
Томленье, поцелуев мёд,
Хоть на любовь она похожа,
Но кто же сразу разберёт?
В слезах, с потоком сожалений,
Остыл к объекту вожделений.
С подругою скучать он стал.
И час прощания настал.

Он мучился, что так случилось,
Что сердцу чувства не верны.

Сознание собственной вины
Так долго ум его точило.
К себе, чтоб горе позабыть,
После разрыва, между делом,
Девиц красивых, видных телом,
Не стал он, как друзья, водить.

Высмеивая идеал,
Друзья с реальностью играли,
Победам лёгким счёт теряли.
А он единственную ждал,
Решив, что быть ловласом – скверно,
Что, коль любить, так только верно,
Любимой годы посвятить
И в счастье жизнь свою дожить.

И стать ни циником, ни лохом
Он не хотел, и жить решил,
Не знаю, хорошо то, плохо ль,
Для наполнения души.
Объехал все дворцы – музеи,
Но не обычным ротозеем —
Он красоту дворцов впитал
Как тот, кто ими владел.

Тем Павлом в Павловском дворце
Себя воображал он жарко,
Что любовался видом парка
С печатью грусти на лице
И плачем скрипок наслаждался.
Наш Павел в тех перерождался,
Что некогда скучали тут,
А ныне в вечности живут.

Всему учился, видит Бог,
Взрослея, он без всякой лени,
Был в курсе новых всех учений,
И институт закончить смог.
Потом работал он в деревне,
Ютясь в своей избушке древней,
Что предоставил сельсовет,
И так прошло ещё пять лет,

И слышанная им примета,
Что, съев сазаний мозг и глаз,
Уж не покинешь место это,
Чуть-чуть, уж было, не сбылась.
Но из селянок он невесту
Себе не выбрал, жил он честно.

И хоть влюблён порой бывал,
Но виду он не подавал.

Пять лет отсрочку за отсрочкой
Ему давал военкомат.
На службе он поставить точку
Был без сомненья очень рад.
Когда истёк призыва возраст,
Он сохранил и честь и бодрость,
Достоинства не уронил
И сам себе не изменил.

Не помыкали им сержанты,
Дружки не тырили часы,
Не унижали аксельбанты,
Или армейские трусы.
Он над собой не знал начальства.
А в армии быть - значит часто:
Не честь учиться защищать,
А издевательства прощать.

Напоминает мне тюрьму.
Там, как в насмешку, изречение,
Что Родине – мол, жизнь и рвеньё,
А честь и совесть – никому.
Они здесь – мелкая монета,
И каждому известно это.
Где лицемерие – в чести,
Нас лозунгам не провести.

Познание жизни

Народа жизнь за эти годы
Вблизи увидев, он узнал.
Его проблемам и заботам
Сочувствовать невольно стал.
Хозяйка старая порою
Не зря поэмы сей герою
Про жизнь рассказывать бралась,
И получился так рассказ:

За немца Таня вышла замуж,
Хоть трудно было ей решить,
(Он из поволжских был, тех самых,
Кому Екатерина жить
В просторах русских разрешила.)
Татьяна близнецов родила,
И очень счастлива была,
Хоть с мужем в мазанке жила.

Но началась война, и немцев
Переселили в Казахстан.
И ей бы быть в переселенцах,
Но сельсовет как лист пристал:
«Не уезжай, в селе останься,
От мужа – немца откажись,
Как от чужого иностранца,
Без Родины какая ж жись?»

И в мазанку к ней зачастили
С советами, как надо жить,
В ход красноречие пустили,
Грозь доверия лишить,
Невзгодами её пугая,
Всем, что безвестное таит,
Тем, встретит чем земля другая,
Где жить ей с мужем предстоит.

И согласилась сквозь рыданья.
Так, без кормильца сыновей,
Без помощи и состраданья,
Воспитывать досталось ей.
Сын взрослый в Сталинград учиться
Уехал. Надо ж так случиться,
Убит подонками он был
За имя, что всю жизнь носил.

А бывший муж, узнав об этом,
Печаль один не мог сносить,
В колхоз богатый свой на лето
Её решился пригласить,
Чтоб лес и горные поляны
Ей залечили в сердце рану.
Другая, что нашёл он там,
Жена была добра к гостям.

Пришлось кусать Танюше локоть,
Патриотизм свой прокляня,
Но толку что, стонать да охать?
Во всём, во всём её вина.
Как за стеной была б за мужем...
Так мифам мы порою служим,
И верим обещаньям там,
Где надо быть умнее нам.

Калмычка старая одна
Ещё к хозяйке заходила,
Но Павла странно поразило,
Что русскою была она
Намного больше, чем иные,
Что в городах российских ныне
Манкуртами степными тут,
Не помня о корнях, живут.

Оставшаяся сиротою
Была взята семьёй простою
На воспитание она
Ещё ребёнком, и сполна
И скорбь и радость испытала
И русские черты впитала,
Став взрослой, двойню родила
И сироту ещё взяла.

Да, одного отнял Чернобыль,
Второго взял Афганистан.
На кладбище в могиле оба.
А третий выпивохой стал.
Такая уж жена досталась.
Будь поприветливее малость,
Быть может, и не стал бы пить,
На жён бы надобно учить.

Таких историй знал он много,
В которых не обида, – боль,
Их превратить в рассказы мог он,
Считая долгом пред собой

Их сохранить для поколений.
Он их записывал без лени.
В работе этой видя цель,
Он стать писателем хотел.

Не с тем, чтоб, Чацкому подобно,
Пороки в людях бичевать
И с боевым задором злобным
По—донкихотски воевать
С тем, в людях что неистребимо.
Считал он, что необходимо
Всем должное за всё воздать.
Притом, понять и сострадать.

Литературой в виде хобби
От скуки Павел занялся,
Читал, от дел отвлечься чтобы,
Потом пытался сам писать.
В немецких старых книгах рылся,
Где опыт магии хранился,
Те, что хозяйка берегла,
Но дать на время, всё ж смогла.

И очень странные ты книги
Мог видеть на его столе:
Из мифов, магий и религий
Намешанное крем-брюле.
Какой-то сор, и всё навалом...
Но как в поэзии бывало,
Из мусора стихи растут,
С Мариной я согласен тут.

И внутренне он изменился,
Над фолиантами трудясь.
Напрасно он меж строк учился
Явлений мира видеть связь.
Собрать мозаику не мог он
Из фактов, и как будто в кокон
В науки погрузился он,
Мечтая свой открыть закон.

Теорией единой поля
Он бредил, но потом остыл.
Он понял, что есть в мире воля,
Что правит сочетаньем сил.
Стремясь, как мог, сей мир принять,
Он ей покорно подчинился,
С несправедливостью смирился,
Чтоб с сердца груз тяжёлый снять.

Но к знаниям страсть не утолил он,
И тайны жизни не постиг.
Его бездействие томило:
Суть жизни не узнать из книг.
Что толку – знать строенье мира?
Ведь все теории эфира,
Пока не взял ты своего,
Увы! Не стоят ничего.

О, юность, юность, часто ты наивна,
И очень часто – простота сама.
Порой не видишь то, что очевидно,
Иль видишь аберрацию ума.
Теперь, когда свой опыт вспоминаю,
Я всё ясней и чётче понимаю:
Легко оценкам верим и словам
Мы в юности лишь тем, что лестны нам.

Стремиться людям в юности пристало
Все в мире ощущения познать,
И всё равно им кажется всё мало.
Романтикой мы это свойство звать
Привыкли, и повсюду в мире дети
С творения, вовеки всех веков
Стремятся всё попробовать на свете.
Смысл жизни в годы юности таков.

И потому в огромный мир манило
Его, и дома был он как в тюрьме.
В окошко глядя, думал он уныло,
Что жизнь пройдёт вот так без перемен.
И был в мечтах волшебным мир за дверью,
И вряд ли в те мечты теперь он верит,
Но, может, вспомнив сласть её и стыд,
О юности потерянной грустит.

И думает порой: О Юность! Где ты?
Уж радости всё выпито вино,
Мечты и сны в стакане жизни этой —
Лишь мутное белеющее дно.
Как будто тёмный дол, покрытый сном,
Сухой остаток, дно под белой пылью,
Но если стоящее что-то в жизни было,
То, может быть, оно там в белом, в нём...»

Намного зрелость юности разумней,
Ей сумасбродство страсти не дано,
Хотя в водовороте жизни шумной,

Как правило, залог побед оно.
И умудрённой зрелости, конечно,
Смириться надо с тем, что так беспечна,
Глупа, смешлива юность и резва.
Да, зрелость – и серьёзна, и трезва,

Но думаю, что, всё же, ей негоже,
Хоть в мире так давно заведено,
Ворчать на неразумность молодёжи.
Нам среди крестов не скоро суждено
Безрадостное справить новоселье,
И зрелость – безграничное веселье
Почувствует, хотя б на время пусть,
А юность ощутит заботы грусть.

Так зрелый муж, хлебнув чуть-чуть вина,
Хотел бы в жизни всё сменить на время.
Пусть пляшет зрелость, сбросив знаний бремя,
А юность? Что-там хмурится она?
Проходит в мире всё, и что грустить нам?
Пусть им сейчас обеим будет стыдно,
Что каждая в свой собственный черёд,
Одна в другой себя не узнаёт.

О будущем, паря в мечтах как прежде,
Давно наш Павел уж не говорит.
Из смутно замаячившей надежды
Кумира он себе не сотворит.
Смешны ему былые вожделья,
Нелепы подвиги преодоления,
И юность без улыбки светлой он
Давно не вспоминает словно сон,

А сколько юность знает искушений!
Всё новое для юношей магнит.
Тьма незнакомых новых ощущений
Всё в мире перепробовать манит.
Ценил когда-то Павел мненье света,
А не спокойствие анахорета,
Конечно же, для умудрённых лет
Уж ничего на свете лучше нет

Семейной дружной атмосферы тесной.
Так нам оценка черни и властей
Становится совсем не интересной,
И не влечёт уж нас игра страстей.
Мечты нам заменяет жизни знанье,
И все перегоревшие желанья
Спешит сменить анализ прошлых дел.

Ведь умудрённость – зрелости удел.

Но зрелости за то пенять не будем
В мелькании летящих мимо дней,
И жизнь учась воспринимать как чудо,
Одну нам радость нужно видеть в ней.
Уметь тем, что имеем, насладиться,
А то, чего привыкли мы стыдиться,
На то должны смотреть со стороны,
Не видя в прошлых днях своей вины.

Что ж делать, если юность не вернуть нам
И веру в чудеса и добрых фей,
Видений светлых и предчувствий смутных?
Бывает так на склоне наших дней:
Хотя бокал шипит вином игристым,
Набита трубка табаком душистым,
Но нет здоровья, чтоб вино допить
И трубку дорогую докурить.

На книги юности меняем время,
Стремясь постигнуть жизни суть и смысл,
Но знаний лишних ощущая бремя,
Дни юности потом жалеем мы,
Стирая с книжек пыль. Что толку в знаниях?
Не в них есть исполнение желаний.
И думаем: Ах, можно б было взять
И мудрость всю на юность поменять!

А как наш Павел? Верить в намеренья
И в рай, и в ад, в мечты и в идеал
Или в пространств иные измеренья,
Созрев душой, он рано перестал.
И домыслами о природе тайной
Пытливый ум свой он не забивал,
Как вещью просто иррациональной.
Порою легкомысленным бывал.

Считал: идти уж лучше за желаньем.
Мир этот создан так, что мы хотим
Того, что есть для нас уж в мирозданье,
Чтобы найти и насладиться им.
Нет смысла быть во всём максималистом,
Или единственным протагонистом
Добра. Не нужно наших жертв ему.
Оно, Добро, живёт назло всему.

Но жаль, что поздно понимают это,
Обогатившись опытом своим.

Хлебнув печали, побродив по свету,
Порою очаровываясь им.
Вдохнув в себя реальной жизни воздух.
Теперь он твёрдо знал, что Ад, он – в звёздах
И в том, что чёрным космосом зовём,
А Рай — Земля, то место, где живём.

И жизнь даётся нам для наслажденья,
И замысла в природе вовсе нет,
И все идеи наши—наважденье,
И тьма горячая – всего лишь, свет,
И «жизнь земная» – так зовётся чудо,
И всё берётся в мире ниоткуда,
И всё потом уходит в никуда,
И все науки – это ерунда

Без искренней и прочной нашей веры,
Что примиряет вечно нас с собой.
А что религии? Они – химеры!
Одарены с рожденья мы судьбой.
В свой гений, может, всем нам верить надо?
Лишь только в этой вере нам отрада.
Мир – пыль в круговороте вещества,
А мы на древе жизни лишь – листва.

Средь атомарных разных завихрений
Жизнь – это просто хаоса цветок,
Одно из многочисленных явлений,
Что смоем в бездну времени поток.
Он думал: «Вот и я как всё не вечен»,
В тот час когда рентгеном был просвечен,
И мельком череп свой увидел он,
И был как Гамлет видом удивлён.

Жизненный опыт

Кто в жизни смог из нас, не знаю,
В дерьмо во тьме не наступить.
И Павел наш, ища признанья,
Хотел других не хуже быть.
И в иерархии фальшивой,
Где вождь картавый и плешивый,
Он, оказавшись, как в дыму
Не мог понять, чего ему

Искать среди жуков навозных,
Что в банке борются за власть,
Плеть интриги, строя козни,
Рискуя их же жертвой стать.
И, бывший бард и пересмешник,
Лишь он единственный был грешник
В той шайке бешеной «святых».
Но нет давно его среди них.

Он думал, что способен будет
Зло переделать изнутри,
Но ошибаются все люди —
И кто просты, и кто хитры.
Так, трансформации партийной
Он не дождался, в грязной тине
Жить и барахтаться устал,
И притворяться перестал.

Карьеру делать было тошно,
Что думаешь, не говорить,
Чтоб не сказать чего оплошно,
В поступках осторожным быть,
Идей гнушаться европейских,
Молчалин с мудростью житейской,
В неписанных законах спец,
Естествен тут, пусть и подлец.

Пропорция среди нас привычна
Циничной части к остальной.
Когда б ы были все циничны,
Мы все бы вымерли давно.
Неандертальцы -те, быть может,
Не знали сантиментов тоже,
Так что же, где они сейчас?
Есть, к счастью, «лохи» среди нас.

Для циника всегда так просто
Устроить жизнь за счёт других.
Мир этот словно бы и создан
Был специально для таких.
Нет справедливости, конечно,
И циники всегда успешны,
Цинизм хоть Павел не любил,
По-русски он разумен был.

И если раньше жил как инок,
То ныне денег он хотел.
Росли потребности, но рынок
В те годы быстро опустел.
И он одну имел заботу:
Побольше денег заработать
Не так, чтоб что-то накопить,
А зарабатывать, чтоб жить.

Вернувшись в город, он находит
Всего на свете дефицит,
В труде пустом проходят годы,
И призрак нищеты висит.
Но он в бездействии воспитан,
И хоть замучен бедным бытом,
Он жизнь не может изменить
Не зная, как иначе жить.

Евгений, помните, за дядей
Подушки ехал поправлять
И Павлу тоже было надо
Долг уважения отдать.
К старушке ветхой одинокой,
Нашедшейся родне далёкой,
Он часто должен был ходить
И в скуке время проводить:

Готовить, убирать. Стараться
При том старухе угождать,
Во всём согласным притворяться
И, грешным делом, так же ждать,
Когда получит он наследство:
Не бог весть что, но всё же средства...
Квартирку, старое добро
И накладное серебро.

Хотя капризная старуха Богата некогда была,
Согласно очень старым слухам.
В войну за хлеб распродала
Всю антикварную посуду,

Меха, серебряные блюда
И простыни. У степняков
Меня всё на молоко.

Вот потому жила аскеткой,
Молитвами кончая день,
И память мучила нередко,
Моим стихом сгоняя лень.
Почти до гробового входа
Слова, что вечная природа
Останется красой сиять,
Она любила повторять.

Его ж нередко попрекала
Она за леность и за нрав,
На клад бесценный намекала,
Лишить его грозила прав
Наследовать по завещанью.
То вдруг давала обещанье
Сказать, в чём деньги все хранит,
Загадочный имея вид.

Но он не верил в эти сказки.
Едва её похоронив,
Всё ж пожалел, что не был ласков,
К наследству сразу стал ревнив.
Ища сокровища повсюду,
В чулане заглянул в посуду,
Кровати трубки распилил,
Сундук на части развалил,

Найти надеясь дно двойное.
Он всё перевернул вверх дном,
Пытаясь место потайное
Найти, мечтая об одном:
Разбогатев, заняться делом,
Стать независимым и смелым,
Чтобы достойно, честно жить,
Не унижаться, не просить.

Но были поиски напрасны,
Он даже книжку полистал,
Которую старинной вязью
В монастыре дьячок писал.
В былые дни за книги эти
Давали звонкую монету
Стада, поместья, табуны,
Но нынче нет у них цены.

Так думал он недальновидно,
Не видя в ней с богатством связь
Вот нынче было бы обидно,
Над книгой древнею склонясь,
Когда б почти в мильон зелёных
Знаток из самых умудрённых
Ту книгу б скромно оценил
И Павла б этим раздражил.

Теперь, я думаю, вам ясно,
Что Павел много потерял,
Когда покойницы напрасно
Намёкам он не доверял.
Что мог он, цену книги зная?
Как и народ, невыезная
Та книга старая была,
И вряд ли б что она дала.

А вдруг, подобно Ко-хи-нору,
Став целью хищных богачей
Несла б владельцам смерть и горе
Сияньем мертвенных лучей.
И он звеном в цепи кровавой
Мог стать, когда б себе оставил
Сокровище проклятых лет,
Чей ныне потерялся след.

Но к лучшему всё в мире этом,
Хоть невезением подчас
Считать потерь и бед приметы
Неверье заставляет нас
И ходу жизни подчиняться.
Наш Павел мог сопротивляться,
Был и решителен и смел
И в бизнесе бы преуспел,

Да только бизнес пресекался
До Перестройки на корню
И преступлением считался,
Хоть мог бы прокормить страну.
И, может быть, ещё за это
Так не любила власть Советов
Рабочих собственников класс,
Что жил, как заводной, крутясь,

В нехудших странах, уж поверьте,
Толь к лавочке, толь к ремеслу
Раз приковавшись и до смерти.
Но лишь поэтов к их числу

Я б не причёл в моей Отчизне.
Им роль Христа дана при жизни —
Пред совестью святыми быть
И грех народа искупить.

Но не был он готов к той роли.
Он множество писак знавал,
Но не завидовал их доле.
Из тех, кто сносно рифмовал,
Не всякого считал поэтом,
Кто числился в сословье этом,
Но был рабом своей тщеты,
Предав надежды и мечты.

Поэт – он ненавистник власти,
Поэт свободен и в тюрьме,
Хоть сердце правда рвёт на части,
Он в убеждениях кремень,
Он, капли фальши не приемля,
Живёт, лишь этой правде внемля.
Как следует поэтам жить,
Чтоб это званье заслужить.

В Европе буржуа – писатель.
У нас же он – аристократ,
Идеалист, к тому же, кстати.
Любовь он воспевать бы рад,
Хотя готов он хлеб насущный
Работой иногда и скучной
В реальной жизни добывать,
И трудности одолевать.

Но труд простой от вдохновенья
Поэт умеет отличать,
Профессионализм и деньги
Не будет наш Поэт мешать.
Ну, хорошо, коли заплатят,
А не заплатят, это значит,
То, что читатель среди дел
До пониманья не созрел.

А что душа? Знать, свято место
Терпеть не может пустоты,
И при Советах в знак протеста
Надели многие кресты
В противовес партийной схеме.
Запретный плод он ел как все мы:
И в церкви веру стал искать
И схему тем ниспровергать.

Смысл жизни стал искать он в Боге,
В смиренье, службах и постах.
Пять книг прочёл он понемногу,
Вполне благочестивым став.
И с ними ум его мирило,
То, что описано там было
Противоборство высших сил,
Что он в фантастике любил.

В духовную реальность бегство,
Где вознесенье в высший мир —
Метафора, которой с детства
Как будто чуду верим мы.
Победу смерти мы не силах
Признать и верим – из могилы
Вознёсся тот, кто нас спасёт
И нам бессмертье принесёт.

Но церковь показалась тоже
Ему похожей на райком,
Секретари с попами схожи,
Те не стучали кулаком,
Но, всё ж, водили грозным оком.
Почувствовал он одиноко
Себя среди верной паствы их,
В ней братьев не признав своих.

Крестясь и пятясь от амвона,
Подсвечник с сотнею свечей
Чуть не свалил он у иконы.
То знак был лучше ста речей.
Раз в «Сён – Рикё» хотел уйти он.
Но был ленив и не активен.
В костёл порою забредал,
И веру греков он предал.

Его, конечно, задевали
Цинизм властей, покорность масс,
И он причину всех печалей
В системе видел, а не в нас.
Себя он винтиком не видел
Народа ль, партии ли, вида ль.
Он каждого творцом считал,
Чей час покуда не настал.

Он понимал, что гений людям
Способен дать лишь случай – бог,
Его же воплощенье- чудо.

Один лишь случай только б мог
Помочь создать такое средство,
Чтоб зависти и злобы вместо
В сердцах людских чужой успех
Восторг бы вызывал у всех.

Он верил, дело не в проклятье,
За первый грех. Знал, час придёт,
Когда Творец всех без изъятий
К себе на службу призовет.
И уподобятся все Богу
В том, что творить хоть что-то смогут,
И будут, чтоб к нему идти,
Свободны в выборе пути.

Он видел власти лицемерье,
Словно рентген сквозь вещество.
И обещаниям не верил,
И горечь признавал того,
Что далеко нам до свободы,
Которой мы слагаем оды,
И что анархия скорей
Придёт сменить тут власть царей,

Что графоманов поощряла,
Их рекрутируя в свой строй,
Войн ветеранов награждала.
Используя приём простой:
Заставить выразить согласие
С тем, что несут с трибуны властной,
Льстя этой массе молчунов,
В присутствии больших чинов.

Средь молчунов тех Павел не был.
Быть признанным позорно так
Ему бы запретило небо.
Уж лучше непризнанья мрак,
Уж лучше крики порицанья
Своя голгофа и осанна,
И вознесение своё
Над временем, где ложно всё.

Знал Павел: где царит свобода,
Там процветанье и прогресс,
Где нет её, власть сумасброда,
И разница большая есть:
Ты ли, чиновник ли решает,
Высокомерно разрешая
За взятку что несёт прогресс,

В ней только видя интерес.

Он понял: жизни смысл – в свободе
От предрассудков и невежд,
От изнуряющей работы
И безысходности надежд...
Он понял, что нет правды в книгах,
И что рабам привычно иго.
Пока не вырос средний класс,
Едва ль изменится что в нас.

Людей немало запивало
Тогда безверье и тоску,
В угаре пьяном пребывая.
У них слетала правда с губ.
Но это было лишь нахальством
Забывших страх перед начальством
Вдали от окриков тупых,
Чтоб утром страхом мучить их.

Холуйство никуда не делось,
Но Павел в мыслях встал с колен.
Как праздника ему хотелось
Средь серых будней перемен
И от холуйства избавленья,
А символ старого был Ленин,
Стоящий в центрах площадей
И вниз глядящий на людей.

Когда свободы нет, нет счастья!
И ей одною одержим,
Возненавидел Павел власти.
Порой мы этим все грешим,
Когда мы жизнью недовольны.
Когда ж ему бывало больно,
Шептал он с вызовом судьбе
На площади: « Ужо, тебе!»,

Кумир плешивый и картавый,
Что черни власть установил.
Его сочится кровью слава,
Он адвокатом чёрта был.
Он в Павле вызывал презренье.
Взорвать его он намеренье
Имел, но монумент – лишь тень.
Коль воевать, так уж не с тем.

Не знал он, в чём его призванье,
И беден был ещё тогда.

Но понял: дело не в сознание,
Что унаследовал ты дар,
А счастье – с косностью боренье.
Оно – как пламени горенье,
Куда бросают как дрова
Свои дела, а не слова.

Но не был он Наполеоном,
Ни Свердловым или Камо.
Идти по трупам миллионов
Не стал, считая, что само
Когда-нибудь всё разрешится.
Не смог он на борьбу решиться.
Направил внутренний огонь
На идолов вчерашних он.

Питая к ним такую ярость,
Что, стань подобным магам, он,
Меняться б миру лишь осталось.
Ему был Павел камертон.
Он, интуиции послушен,
И знаниями заполнив душу,
Которых в наших книгах нет,
Загадок многих знал ответ.

Толчка лишь и не доставало,
Чтобы таланты разбудить,
Чтобы природа даровала
Ему способность магом быть.
Был тем толчком несчастный случай,
И хорошо же быть везучим:
В аварии он не погиб,
Но год всё ж ощущал ушиб.

В его мозгу теперь рождались
Картины вдалеку ушедших лет,
Его догадки подтверждались
Открытиями, что шли вослед
Его шальным предположеньям.
Умел он выбирать решенья,
Как бы не то, чтоб на авось,
Но так, чтоб после всё сошлось.

По эвристическим законам,
Случайный выбор всё ж сулит
Нам выигрыш, и часто склонны
Мы все искать тот алгоритм,
Что ясновидящим известен.
Все ясновидящие вместе

Так выбрать не могли б вовек,
Как вдохновенный человек.

Так чудный дар предвосхищенья
Уже тогда проснулся в нём.
Но стоило ему решенье
Найти одним прекрасным днём,
Идее ли оригинальной
Порадоваться машинально,
Их в прессе, ты уверен будь,
Другой озвучил кто-нибудь.

Носились в воздухе идеи.
Такие были времена.
Он в мыслях памятник злодею
Взорвал, кумира прокляня,
И вскоре злобный дух покинул
Кремлёвский двор, хотя не сгинул
Ещё из душ, что совратил.
Наш Павел дар свой обратил

На то, чтоб знать эпохи мысли,
Держа вселенную за пясть.
К способностям его причислю
Уменье в яблочко попасть
На взлёт, не целясь, иль страницу
Найти вслепую умудриться
На нужном дне в календаре
Иль нужном слове в словаре,

Лишь на удачу полагаясь.
То не был навык иль расчёт,
А то, чем вечно восторгаюсь,
Что всех нас тайною влечёт:
Невероятная способность
Событий подмечать подробность.
Так чутко жизнь воспринимать,
Чтоб ей законы диктовать.

Не знаю, был ли Павел магом,
Но видно было из всего:
До ясновиденья полшага
От интуиции его.
Само, как будто, провиденье
К какому-то предназначенью
Его своей рукой вело
И этот дар ему дало,

То книжку нужную подкинув,

То от карьеры оградив,
То из беды за ворот вынув,
А то – терпением наградив.
Святых так небо защищает,
Их путь неясный освещает,
Тем загоразивая путь,
Кто их обидит как-нибудь.

Когда третировать пытались
Его знакомые снобы,
То иль на взятке попадались,
Иль под ударами судьбы
Упав на дно, ужами вились
И на него за это злились,
В нём всех причину видя бед,
Из – за него кляня весь свет.

Казалось, что волхвам подобно
Он поворачивал страну.
О случаях таких подробно
Чуть позже я упомяну.
Но веры, веры не хватало,
И чудотворство не пристало.
Ведь сказано безверным нам:
«По вере вашей вам воздам!

Мир этот, как известно, тесен.
Среди житейских разных вех
Была одна: когда-то Мессинг
Сказал, что ждёт его успех,
Кивнув ему седой копною.
Про гениев таких давно я
В газетах наших не читал,
Наш мир без них скучнее стал.

Вольф Мессинг написал небрежно,
Что мальчику судьбой дано
Всех превзойти кумиров прежних,
Но недоступно лишь одно:
В безверье достигать успеха,
Оно способно стать помехой.
«Способен сгрызть безверья зверь
И самых сильных, ты поверь.»

У Павла до сих пор хранится
Автограф Мессинга – в строках,
Написанных им на странице
Мальчишеского дневника.
А Павел ощущал как счастье,

Когда держа его запястье,
По залу взглядом тот витал
И мысли мальчика читал:

«Взять книгу и открыть страницу,
Десятую строку найти,
Прочесть абзац, где говорится
Про выбор нового пути».
Что там за путь, уж он не помнил,
Но смыслом те слова наполнил,
Он в ожиданье чуда жил
И новый путь он заслужил.

Потом, он мог усилием воли,
Иль то казалось лишь ему?
Желая перемен до боли,
Творить историю саму,
Следя за балаганом съезда,
Когда, уж, не страшась ареста,
Громил систему демократ.
Был этому он очень рад.

Все измененья происходят,
В конце концов, и потому,
Что обстоятельства природе
Противоречат и уму.
И в чистых душах вызывают
Протест, что шлюзы открывает
Для тех, кто томится без дел.
И началось, что он хотел.

Но он считал, что дальше станет
Всё лучезарно и светло,
Лишь потому, что разум занят
Коррекцией фальшивых слов.
Когда ж райкомовское войско,
Не афишируясь, неброско,
В банкиры, в брокеры пошло,
Его взяло, конечно, зло.

Права гражданские ценил он,
И, несомненно, осуждал
Всевластие должности и силы.
Оценку ельцинизму дал:
Звал сущность к рынку перехода
Свободой власти от народа.
Либерализма в нём на грош,
Но в виде ширмы он хорош,

Звал Перестройку перекраской,
И цен Гайдаровский обвал
Он ограбленьем в чёрной маске
Народных властью масс назвал.
Багдадским рынок звал базаром,
Режима нового со старым
Различий он не находил
И всем друзьям своим твердил,

Что снова наш народ предали,
Как и в семнадцатом, когда
Закрепощение назвали
Освобождением труда,
Заводы посулив рабочим,
Мир, землю и свободу прочим,
Так всё при Ельцине опять
Сулили в собственность отдать.

Он говорил: лицо режима —
Производительность труда.
Пока ж основы нерушимы,
Все формы – это ерунда.
И в сущности, несовместимы,
Хоть в том признаться не хотим мы,
Капиталист и бюрократ,
Умноженный в десятки крат.

Он говорил, что править должен
Не добрый царь, а хитрый класс,
Который словно чует кожей,
Что выгодно для всех для нас.
Ему не дороги идеи,
Он важным качеством владеет:
Спрос предложеньем утолять
И без насилья управлять.

Без класса этого нет наций.
Национальный интерес
Без пустозвонных деклараций,
Без лишних действий и словес
Свой от чужого капитала
Всегда, во что бы то ни стало,
Буржуй сумеет защитить
И этим нацию сплотить.

На будущее он сквозь призму
Смотрел теории своей
Народного капитализма,
Но разуверился и в ней,

Когда пошли в капиталисты
Все пламенные коммунисты.
И весь возглавили процесс
Секретари КПСС.

А верить им давно устал он.
Ведь вера – лишь условие лжи.
Две стороны одной медали...
Не в том ли парадокс лежит?
Уверенность – другое дело,
Бог пред уверенным и смелым
Теряет силу. Что пенять,
Нельзя нам божество понять.

Да, человек – червяк. До бога
Ему миль'оны лет расти.
Для вечности – не так уж много,
Бог за надежду нас простит.
В себе уверенными были
Вожди, они других судили,
Забыв и стыд, и божий страх,
Увидев, что Бог в их руках.

И потому всё попирали,
Народы за овец сочтя,
Что эту тайну Бога знали.
И миром правили шутя.
И Бог служил им как орудье,
И славу бляели им люди,
Но каждый раз Бог мир спасал,
Тем, что бессмертья им не дал.

Наш друг, воспользовавшись смутой,
Смог капиталчик сколотить,
Халифом став хоть на минуту,
Свои желанья воплотить.
Он в «пирамидах» деньги делал.
Скупая ваучеры смело,
В Газпромowskiй пакет вложил,
Продав и весело зажил.

Он изменился, стал циничней,
Не встретив в жизни идеал.
Он принципы из жизни личной
Как нудных менторов изгнал.
Теперь ему уж стало ясно,
Что молодые все прекрасны,
Он от своей мечты устал
И в жизни прелесть видеть стал.

Век нынешний придумал способ
Проблемы разные решать,
Готов ответ на все вопросы,
Лишь стоит клавишу нажать.
Иль Дьявол так закинул сети,
Используя открытья эти,
Чтоб «человеков уловлять»
И здешним миром управлять?

Наш Павел дал «обет безбрачья».
Заглядывая в Интернет,
Дам выбирал он наудачу,
Писал запрос и ждал ответ.
И сразу назначал свиданье.
А там и пылкое признание.
Неделю продолжал роман.
Ну, чем он вам не донжуан?

До Интернета объявленья
На свете были, телефон.
Важно не знать в желаньях лени —
Секрет успеха понял он.
И был ли день, когда в постели
Он не был бы на чьём-то теле.
Да, были те, что как кремень,
Но и как воск по две на день.

Так годы шли, давая опыт
В приёмах, ласках и словах.
У многих дев под страстный шёпот
В те дни кружилась голова.
Он был везуч, его любили
И в сеть свою его ловили,
Но, добиваясь своего,
Не обещал он ничего.

Так приобрёл он ценный опыт
В искусстве улаженья дам,
Сегодня я сравнил его бы
С тем, что когда-то наблюдал:
Есть Петергофские каскады,
Ступенчатые водопады,
Где крепко держит льва Самсон,
Фонтаном хлещет в небо он.

Собой владеть так мог и Павел.
Он был в приёмах молодец.
Лишь сам себя он мог заставить

Оргазмом кончить, наконец.
Как правило, в любом сношенье
Он соблюдал соотношенье —
Четыре раза к одному.
И всё – благодаря уму.

Лишь напоследок оставлял он
Освобождения черёд,
Когда желанье утоляя,
Струя преграды все прорвёт,
И завершая вечер томный
Его самсон размеров скромных
В восторге вдруг подбросит вверх
Фонтана мощный фейерверк.

Так он смысл жизни видел разве
Лишь в том, чтоб женщин улаживать.
Ища в любви разнообразья,
Умел себя не обижать.
И женщин образ идеальный
Слепил из множества деталей,
Все сладости любви испив,
Он был удачлив и счастлив.

Считая женщину кумиром,
Мужчина чрез её красу
Познать способен прелесть мира,
Гармонии постигнуть суть,
Форм и пропорций совершенство
И абсолютное блаженство
И, с женщиной сливаясь, он
Был от грехов освобождён.

А было то прелюбодейством,
Или невинным баловством,
Судить не нам, скорей то – бегство,
Чем просто плоти бесовство.
Попытка от тревог отвлечься,
И мути дать в душе улечься,
Свободу шкурой ощутить,
Чтоб просто знать, что стоит жить.

И тем с ним прошлое прощалось,
Когда он жил под колпаком,
И делал то, что разрешалось,
А выпивал и то тайком.
Когда уж потеряв надежду,
Что будет всё не так, как прежде.
Смирился, было, с жизнью он

И всё воспринимал как сон.

Стал торговать он запчастями,
Автокосметикой и тем,
Что спрос имело, мы б застали
Его в торговой суете.
Да, точно, именно в ту пору,
Душе своей ища опору,
Метался он меж разных вер.
И молится ли он теперь?

А если «да», какому богу?
Не ошибётся ли опять,
В исканьях истины дорогу
Пытаясь для себя избрать?
Он так умён. Хватило б баллов,
И в клубе интеллектуалов
У Менса был давно бы он,
Когда бы был ему резон.

Тщеславье тешить – род болезни,
И если б кто меня спросил,
Сказал бы я: сто крат полезней
Брать рубежи на грани сил
И побеждать! Нет выше счастья,
Чем, курс держа через напасти,
Плевать на приговор толпы
И не сворачивать с тропы.

Признаки магических способностей

Стал Павел совпадение воли
Небесной с собственной своей
Считать случайностью, не боле,
Покорно поклоняясь ей.
Хоть убеждался понемногу,
Что сам подчас подобен богу,
О власти он не смел мечтать,
Чтоб, часом, дьяволом не стать

Так Зевсу силою подобен
Пилот, летящий в облаках.
Он стрелы свыше мечет, чтобы
Посеять ужас во врагах.
Но он лишь раб хозяйской воли,
Актёр в заученной им роли.
Хозяином громов слывя,
Он на Земле – как ты и я.

Другим вреда стал опасаться
Желать он, чтоб спокойным быть,
Чтоб случаем не оказаться
Орудием в руках судьбы.
Так похищать у Бога право
Над всеми быть судьёй кровавым
И судьбы грешников вершить
Не мог себе он разрешить,

Чтобы затем себя не мучить.
Но, как – то, встретил пожилых
Своих родных – обычный случай.
Муж и жена. Любил он их.
Жена кормила пирогами,
А муж одалживал деньгами,
Когда он небогатым был
И в гости запросто ходил.

Заметил он, что сильно сдали,
Под ручку чуть брели они.
Какими немощными стали!
Где славные бывшие дни
И оживлённые расспросы?
Теперь же жалобы сквозь слёзы
На жизнь, на старость, на недуг,
И грусть почувствовал он вдруг.

И, как при каждой встрече с ними,
Улыбки добрые и взгляд,
Как и пристало меж родными,
Но в этот день он был не рад.
Давно то было, но запомнил
Наш Павел, как в тот день он скромно
Глаза при встрече прятать стал,
Как будто что у них украл.

Он зла, конечно, не хотел им,
Но так уж вышло. Ведь не он
Над старым и недужным телом
Был высшей властью наделён...
Он пожелал из состраданья
К её беспомощным рыданиям,
Чтоб меньше было ей терпеть,
И легче было умереть.

Так иногда бывает с нами:
Чего хотим, боясь признать,
Вдруг происходит в виде драмы,
А совесть колет: «виноват!»
И, вроде, зла мы не желаем,
Но зло обычно пожинаем.
Большая совесть – твой удел
Коль всё сбылось, как ты хотел.

Так, что же, есть на белом свете
Такая колдовская связь,
Иль просто мы хотим, как дети,
Того, что будет и без нас?
А предсказать не так уж сложно,
Предотвратить что невозможно.
Тревожно эту ночь он спал.
И чувствовать вину он стал,

Когда узнал, что этой ночью
Она внезапно умерла.
Конечно, старость. Что пророчить...?
Всё – объяснимые дела...
Была ещё другая тайна:
Однажды, кажется, случайно
Он пожелал, чтобы сосед
Исчез, того пропал и след.

И даже дом его сломали.
Так повторилось пару раз.
Природы этих аномалий
Не понимая, Павел сглаз

Винил сперва, потом дал клятву,
В смертельной, беспощадной жатве
Участия не принимать
И дар нигде не применять.

Поскольку устыдился очень
Тому, что удовлетворён
Был результатом мысли. Впрочем,
Злорадством был он заражён.
Раскаянье далось не сразу,
Какая, всё-таки зараза —
Иметь над кем-то смертным власть —
Не смог, однако, он не пасть.

И вот однажды не сдержался:
За оскорбленье не простил,
От клятвы страшной отказался
И чёрной мыслью отомстил.
Другим не показав и виду,
Добычей стал своей обиды.
Как вудуист врага судил,
Хоть позже гнев свой остудил.

Был сам не рад, что не простил он
Приятелю обидных слов.
Со временем и так остыл он,
Забылись ненависть и зло.
А наказание господне?
Будь провидению угодно
За унижение наказать,
На то есть рок, ни дать, ни взять.

Совесь-наказание

Но Дьявол – в нас. И это совесть,
Что судит строго за глаза.
Бог... он простит. Уйти готовясь,
Не ждём мы, чтоб он наказал.
Себя мы истязаем сами.
И умываемся слезами,
Моля его за всё простить,
И грех невольный отпустить.

К ошибкам мы непримиримы,
Когда их судим свысока.
Вблизи ж они все объяснимы,
А что касается греха,
То грех – лишь вольное злодейство
Иль ложь на службе фарисейства.
Ошибок избежать не мог
Ни человек, ни дух, ни Бог.

Да и равняться с абсолютom,
Нет смысла в этом мире нам,
Зачем же жить в душевной смуте,
Себя за промахи виня.
Ну, разве ж это не обидно,
Что за себя бывает стыдно
Предстать с грехом в глазах других,
Святыми представляя их?

Судьбой есть много недовольных,
Пред смертью совесть мучит их.
Стыдась своих грехов невольных,
Они – там, в днях пережитых.
Забыв, что были те ценою.
Без них судьба была б иною.
За что ж стыдиться и краснеть?
Безгрешных в этом мире нет.

Что сокрушаться нам и плакать?
И проклинать себя и свет.
Мудрее нужно быть, однако,
Нам с прибавленьем новых лет.
Не повторять ошибок старых,
И опыт свой считая даром,
Оглядываться на завет,
Чтоб избежать тревог и бед.

А все грехи закономерны
И обусловлены судьбой.
Злодеем был бы Бог, наверно,
Грешащим пред самим собой.
Но нет, его не мучит совесть,
И ты живи, не беспокоясь,
Бог всё предусмотрел за нас,
И тех, кого хотел, он спас.

Хоть часто лучших забирал он.
Красивых, страстных, молодых.
Как будто бы за то карал он,
Что сам старей и хуже их.
За миром этим наблюдая,
Давал он разным негодьям
Дожить в довольстве подлый век.
Ему – что червь, что человек.

А, может, в этом мире нашем
Всё к лучшему, ведь думать так
Мы склонны, вспоминая даже
Лишенья, беды и Гулаг.
Дед говорил, едва не плача,
Так Павлу: «Будь бы всё иначе,
Я мудрость жизни б не постиг,
Хоть есть она в десятках книг.»

Своё духовное богатство
Он с бедным бытом совмещал,
И униженья, и злорадство
Он палачам своим прощал,
Судьбою лагерной доволен,
Забыв про тяготы и боли,
Всезнанием высшим облечён.
В том парадокс и заключён.

Что это? Чувства извращенье
Иль глупость в тоге мудреца?
Года приносят всепрощенье
В предвосхищении конца.
Но преступленья помнить надо
И не прощать исчадьям ада,
Поскольку, подлецов прощать —
И значит – подлость поощрять.

Конечно, он судьбой тяжёлой
Грехи свои смог искупить.
И средство лучшее нашёл он,
Чтоб все несчастья позабыть.

Сам ад ему уж был не страшен,
Его он видел в мире нашем,
Обезумевшем от расправ,
Но, может, всё же, он неправ?

Так мы истории прощаем,
Её не в силах изменить,
И боль так мыслью замечаем,
Что мстительным нет смысла быть.
Что лучше быть великодушным,
Решениям судьбы послушным,
Коль правыми хотим мы стать,
И по ночам спокойно спать,

Но и себе должны прощать мы,
И не наказывать себя,
К своим поступкам беспощадны,
Расправу божью торопя.
Мы ж рады, если избавленье
Приносит мука искупленья,
И наказания божья ждём
Как тучи с золотым дождём

.
И Павел думал: остаётся,
Грехи, смирившись, осознать.
Нам искупление даётся
В страданиях. Павел стал их ждать.
Хоть человек и забывает,
Но как оно всегда бывает,
Рок помнит всё, приходит срок,
И он собирает свой оброк.

В довольстве жил он, но бывает,
Судьба подбрасывает нам
Соблазн, и всякий забывает
Всё, что вчера твердил всем сам,
И голову свою теряет,
И ложный путь вдруг выбирает,
Бежит подобно петушку,
Что потерял свою башку.

Да и слабы мы. В мненья света
Как в кандалы заключены,
Важны нам статуса приметы:
Влиянье, деньги, и чины.
А если этот дым растает,
То нас депрессия снедает,
И смысла в жизни больше нет.
Вот, что для многих значит свет.

А тут узнал он, что обидчик
Его скончался в цвете лет.
Не от губительных привычек
И не трагически, нет, нет!
Так, лёжа в собственной постели.
Анатомы, вскрывая тело,
Причины смерти не нашли
И к «тайнам века» б отнесли,

Имей он в обществе значенье.
Для формы написали там:
Мол, «в результате нарушения
Дыхания», всё как всегда.
Но Павел почему-то сразу,
Услышав заключенья фразу,
Всё как убийство расценил
И сам себя в нём обвинил.

И впал в депрессию такую,
Что перспективу потерял
С остатком веры. И врагу я
Такого бы не пожелал.
Как будто в запертые двери
Упёрся он в своё безверье,
И запил бы наверняка
От ощущенья тупика.

Лишились смысла ритуалы,
Что мы привычками зовём,
Ему покоя не давали
Сомненья в знании своём.
Он вспоминал, как был счастливым,
Ведь счастье – чувство перспективы,
И тот, кто потерял его,
Тот уж не ценит ничего.

Не верил в дружбу больше Павел,
Ведь друг его оговорил
И под статью почти подставил,
И, в результате, разорил.
Теперь одна была забота
У Павла – подыскать работу,
Где нужно знанье и талант.
Но скоро бывший коммерсант

Все поиски такие бросил,
Надеясь на благую весть.
Теперь владели им вопросы:

Где ночевать и что поесть.
На биржу дважды обращался,
Уже батрачить соглашался.
За внешним видом не следил
И чёрт – те в чём везде ходил.

Есть сотни способов надёжных,
Чтобы иметь «бабло и кайф»:
Напёрстки, масса всевозможных
Услуг и прочий герболайф.
Но он не мог пойти на это,
Накладывала совесть вето,
Одно – чиновников дурить,
Другое – простаков «доить».

За долг лишился он квартиры,
Уж поутру не пил «Боржом»,
Всё бормотал о славе мира,
И постепенно стал бомжом.
Кормился где-то по базарам.
Бродя везде со свёртком старым,
Напоминающим суму,
Отцом завещанным ему,

Живя в апатии великой,
Спал на вокзале по ночам,
Терялся днём в толпе безликой,
И по делам уж не скучал.
Смысл жизни не искал теперь он,
Не видя выхода, не веря,
Что будет и беде конец,
Как говорил порой отец.

Матрица совершенства

С отцом в разрыве был наш Павел,
Как получается подчас,
Поскольку цели сам он ставил,
Отец ему был не указ.
Быть может, это путь к свободе,
Хотя, хорошего тот, вроде,
Ему хотел, но знаю я,
Что жизнь у каждого своя.

И в завещанье перед смертью
Он Павла не упомянул,
Другим свой дом оставил детям.
Всё ж, чувствуя свою вину,
За процедурой похоронной
Словно случайный посторонний,
Наш Павел наблюдал, стыдясь
С покойным обнаружить связь.

Всё, что он получил в наследство —
Пучок набросков неких книг.
Украдкой когда-то в детстве
Из шкафа доставал он их.
Постарше став, читать пытался
Он их, но « фокус не удался».
Сюжеты, множество цитат,
Да формул непонятных ряд,

Да несколько научных книжек, —
Да рукописей чемодан,
Отец к своей кончине ближе,
Писательству давая дань,
Пытался сочинять романы.
Как делают все графоманы,
Оставил заготовок тьму,
Неинтересных никому.

Пчеле заботливой подобно,
То, что отец собрал из книг,
Хранил наш Павел как подробный
Чужого времени дневник,
Надеясь, что в свой срок законный
Пыльца цитат – нектар духовный
В бумажных сотах оживёт,
В словесный превратившись мёд.

К истокам припадает каждый
В какой-то безысходный миг,
Измученный духовной жаждой,
Наш Павел к тем листам приник.
И вдруг наткнулся на рисунок,
Что в рукописи был засунут
Отцовской высохшей рукой
И был какой-то не такой.

Давным-давно рисунок этот
Отцу достался от дедка,
Который где-то в лазарете
Мечтал создать модель цветка.
В узорах выражал он чувства,
Ведь красота – предмет искусства.
И, коли, в жизни нет её,
То ум эрзацы создаёт.

Он признан был умалишённым,
Но кто там был в своём уме?
Тот, кто был в сонме «оглашенных»?
Иль их вожди в своём Кремле?
Старик вставал в палате рано,
(Был у него синдром Савана,++)
И рисовал как заводной
Одну картинку за одной.

Узор тончайший и прекрасный
На тумбочке мальчика лежал,
И волшебством, и силой властной,
И ангельской красой дышал.
Он о конце уж думал скором,
Но утром этот лист с узором
Вдруг под подушкой нашёл,
И вновь всё было хорошо:

Исчезли сложные симптомы,
Был словно в цирке заменён
Рак мозга лёгкой гематомой.
Листу приписывать стал он
Целительные свойства эти,
И безнадежных по секрету
Сам тем узором стал лечить,
За что и срок мог получить.

Но чудом мальчик жив остался,
Судов и тюрем миновал,
В войну в бараках «кантовался»:
В тылу Победу он ковал.

А срок давали за знахарство.
Уж столько в этом комиссарстве
Водилось всяческих врагов:
От пацанов, до стариков!

С тех пор до старости глубокой
Других отец лекарств не знал,
Толь красота, как образ Бога,
Здоровью нашему нужна,
То ли гармонии законы,
Как чудотворные иконы,
Воздействуют на всё вокруг,
Через фрактала сложный круг.

Выздоровление

Но в тот узор не верил Павел,
Хоть про него давно он знал,
А то бы сразу всё поправил,
С души своей заклятье снял.
А он всё дальше опускался,
И неприкаянно скитался
По мусорникам и дворам,
Приличный подбирая хлам.

Что ж, дар везения чудесный,
Что раньше не давал пропасть?
Куда он делся? Неизвестно.
И как всё будет в этот раз?
Что ж, обстоятельства замучат?
Наоборот ли, жить научат,
И цепь привычки он порвёт,
И вновь душою оживёт?

Однажды Павел спозаранок,
Ища бутылки по кустам,
Наткнулся на толпу цыганок
И обходить их, было, стал.
Одна взяла его за руку
Толь ради шутки, толь от скуки:
«Узнать не хочешь о судьбе?
Голубчик, всё скажу тебе».

И нагадала перемены —
И власть, и деньги, и любовь,
Но за секрет спросила цену.
Простим её, простит ли Бог?
Вот так всё часто и бывает:
Одной детали не хватает,
Чтоб ключ от счастья получить.
Он понял: душу излечить

Он может сам, и денег добыл
У тех бомжей, с кем был знаком,
Как будто в старой жизни побыв —
Разжился чистым пиджаком.
И записался среди прочих,
Кому на свете жить нет мочи,
Он к экстрасенске на приём.
А свёрток ветхий был при нём.

Над Павлом та осуществила
Манипуляций целый ряд:
Вокруг него чертей ловила,
Ему неведомый обряд
Сопровождая разговором.
И вот, почувствовал он скоро,
Что всё же что-то в этом есть.
Он ожидал сеансов шесть,

Но неожиданно услышал,
Что видно ауры цвета,
И что ментал из рамок вышел
И увеличиваться стал,
И что с астралом абсолютным
Сравнился, что представить трудно...
Казалось, только в кресло сел
И оглянуться не успел,

Как сразу он преобразился,
И суетой пленённый дух
От тёмных пут освободился,
Был Павел снова счастлив вдруг.
Она рукой его коснулась,
И словно бы душа проснулась
Или вселилась вновь в него,
Как я в поэта моего.

Рассуждения о судьбе России

Рождается сейчас так вера
В спасенье мира и в судьбу.
Какой- то флорентиец Неро,
Монах иль маг какой-нибудь,
Ещё во тьме средневековья,
Сказал пророческое слово,
О том, что ожидает свет
Ближайших пару тысяч лет.

Он предсказал и нам тирана,
В двадцатом веке кто убьёт
В затылок тысячи и ранит
Всех остальных. Чей страшный рот
Дым будет исторгать ужасный,
Хотя из даты книги ясно:
Колумба не было пока,
И мир не ведал табака.

Я знал из этих предсказаний,
Что должен кто-то в мир прийти
Из Астрахани иль Казани —
Чтоб снова род людской спасти,
Рождён он в городе на Волге
И ждать его уже недолго.
Поэты – среди тех волхвов,
Что с даром искренних стихов

За путеводною звездою,
Ища его, во тьме идут.
Наверное, нам верить стоит
В того, кто вызволит из пут,
Кто веру новую предложит
И миру новый путь проложит,
Но будет царь он иль поэт,
Грядущее лишь даст ответ.

Пророчествуют нам мессию,
Мол, это будет царь – титан,
Который превратит Россию
В пример для всех на свете стран.
Историей велят гордиться,
Но у истории учиться
Желающих не вижу я,
У всех история своя.

История страны – событий тени,
Она нам предстаёт не суммой дней,
А сменой резких взлётов и падений
Когда-то ею правивших царей.
Их дел, ошибок, зверств и устремлений,
Ума потёмок, редких просветлений,
Убийств и казней, битв и страшных войн,
Она- лишь жизни призрак неживой.

И в чём же смысл историей гордиться?
Она— событий разных череда.
Но только для того она годится,
Чтоб с грустью устыдиться иногда.
Чем жадно пить вино патриотизма,
Уж лучше знать не миф, а правду жизни.
И разве не гордился б патриот,
Когда б совсем другой тут жил народ?

Да, так же бы он оды пел державе,
Совсем другой историей гордясь,
И так же б упивался чуждой славой,
Ей упиваться призывая нас.
Свиреп и грозен был когда-то Молох,**
Но появилось в мире много новых.
Россия и какой-то скользкий змей...
Какой из этих идолов грозней?

Учитель лучший— опыт и нужда.
А научил чему нас предков опыт?
В страданиях тяжких он народом добыт.
А, может, опыт— это ерунда?
Кого призвать на трон и с кем бороться,
Кого признать за чуждых инородцев?
Любить Европу или биться ль с ней?
Хранить ли верность ветхой старине?

Пример не убеждает нас, как видно,
Тот, что другие страны подают.
Конечно же, нам быть в хвосте обидно,
И свой найти хотим особый путь,
Идя вперёд за дудкой крысолова,
Намного больше доверяя слову,
Чем даже собственным глазам своим,
Мудря своим умом невыездным.

Читая тёмные страницы
И толкованья поздних лет,
Я вижу пред собою лица
Людей, которых больше нет.

Тут императоры, злодеи,
Вожди, пророки, лицедеи.
Различья нет среди людей,
Будь ты герой или злодей.

Я не горжусь уж предком ныне,
Не застит взор мне битвы дым.
В Париже, Флориде, Римини,
Потомков вижу я следы.
Мой прадед – знойный африканец,
Потомок мой – американец.
И дёрнул чёрт с моим умом
Родиться тут в краю родном.

Историю совсем другую
Теперь иметь хотел бы я,
Представить даже не могу я,
Какой была б страна моя
Сейчас. Америки богаче...
И от обиды чуть не плачу.
А для кого Сибирь храним?
Сейчас ещё враждуем с ним?

Ресурсы на охрану тратим,
Как получивший в дар слона.
Сибирь – заплатою на карте.
Дырой в кармане нам она.
Продать Европе как Аляску
И жить ещё сто лет как в сказке?
Как быть не знаю я пока
С подарком щедрым Ермака.

И так не хочется мне верить,
Что всё останется как встарь.
Жизнь по последней из империй
Свой нанесла уже удар.
И знать заранее бы надо,
Когда процесс полураспада
Сибирь от нас освободит
И ей соседей наградит.

Русь – птица тройка.
Кто стреножил
Тебя и кучера споил,
В буране лжи в тупик дорожный
Опасной сказкой заманил?
Другие тройки скачут мимо,
Течение дней неумолимо,
Оно несёт успех иным,

И не угнаться уж за ним.
В эпоху полу-глобализма
Страна, смешенье рас чья суть,
Нормальной не приемлет жизни,
Ей загораживая путь.
Вся против Интернационала,

Что в глобализме не признала,
Прогресса, вольного труда,
Что чтит на словах всегда...
Да, новых слов я тут набрался,
И прозаичней стал мой стих,
Я парадокс решить собрался
В исканьях истины пустых.

Что ж, нам от мира отделиться,
В свою берлогу удалиться?
Или как люди просто жить?
Лишь жизни сей вопрос решить.

Часть вторая

Завязка

Наш Павел не был ни героем,
И ни злодеем, Бог упас,
Азарт болельщика порою
В нём просыпался, но угас.
Он мненье референтной группы,
Будь это предрассудок глупый,
Иль что чиновник выдаёт
За то, что думает народ,

Ни в грош не ставил, да к тому ж он
От этих мыслей был далёк.
О хлебе думать было нужно,
Так горизонт его поблёк
И сузился до кругозора,
Бродяги, уличного вора,
Кто в магазине горсть конфет
Сворует, если денег нет.

Не просто выбраться из ямы,
Куда мы падаем подчас,
Должны мы, верно, быть упрямы,
Везучи, чтобы Бог нас спас.
Что ж Павел наш? Поправив душу,
Он рыбой, брошенной на сушу,
Влачил по – прежнему свою
Жизнь выживанья на краю.

И избежать не смог он, всё же,
Того, что поджидает тех,
Кто честно хлеб добыть не может,
И кража для кого не грех:
Тюрьмы, где Павел обогрелся,
За счёт правительства отъелся,
Не то б на воле заболел
Или в морозы околел.

Стал строить планы он отныне
И перестал уже страдать
Апатией, тоской, уныньем.
Попав в амнистию, он ждать
Стал: вдруг работа подвернётся,
И он в семью людей вернётся

И вновь, без отдыха трудясь,
Он с небом восстановит связь.

На лето перебравшись к речке,
Где раньше дачку он имел,
Теперь уж на чужом крылечке
Там вечерами он сидел,
Пока хозяева на юге
Лечили водами недуги.
Там спал, а утром на мосток
Он шёл. Туда, где тлел восток,***

И мелкий бисер паутины,
Дрожа, сверкал в углах перил.
Любуясь утренней картиной,
На речку глядя, он курил.
Вдоль края дач вела дорога
И люд проезжий мог немного
Позагорать, свернув на плёс,
Там, где густой кустарник рос.

Там он весь день с людьми общался,
На берегу курить срывал,
Лишь спать на дачу возвращался...
А, в общем, он не горевал.
Так летом Павел жил на даче
И часто по утрам рыбачил,
Днём к проезжавшим приставал
И чалки воблы продавал.

Вот раз ловил он с лодки рыбу,
Слегка пображничав с утра,
И в золотой волнистой зыби
Он заметил осетра.
Осётр, как видно, из-за раны
Плыл ошалело к Павлу прямо.
Не мог уйти на глубину:
Лови руками! Ну и ну!

Не долго думая, он тянет
Его к себе из волжских вод.
И мыслью о находке занят,
Он, что есть сил, к мостку гребёт.
В хвосте следы винта бударки,
Иначе не было б подарка.
Вот на песке рыбина.
В ней – С ведро икры угля черней.

Вот вылит уж тузлук горячий,

Под ветром вялится балык,
Потом его наш Павел прячет
Внутри веранды, чтоб улик
От «браконьерства» не осталось,
И в теле чувствуя усталость,
Бредёт он продавать кусок
Проезжим к плёсу сквозь лесок.

Назад придя с буханкой хлеба,
Доел он тёплый малосол,
С надеждой посмотрел на небо,
Подумал: Бог не так уж зол.
А покупатель там за лесом,
Не вышедший из Мерседеса,
Когда он рыбу продавал,
Кого ему напоминал?

Забылось всё, что раньше было,
Но памяти приливом вспять
Обрывки прошлого проплыли
И утонули в ней опять.
Но что-то сердцу подсказало,
Что это знак, что жизнь сначала
Вот-вот начнётся для него,
И рок пошлёт ему... кого?

Судьба сурова и к талантам.
Ни счастья, ни умения жить
Дар не является гарантом.
Нужда лишь может научить.
Ни альтруист, и ни подонок,
Наш Павел Волгин был потомок
Друг с другом бившихся врагов,
Не ангел, но и без рогов.

Не удивительно, все люди —
Пороков и страстей рабы,
Плоды интриг, насилия, блуда,
Обмана, зависти, борьбы.
Но, всё же, есть в них искра божья,
И возрождение возможно
Для тех, кто всё уж потерял
И случаю лишь доверял.

Но ум его как штурман пьяный
Не мог дорогу проложить.
Не видя звёзд в дали туманной,
Он по теченью мог лишь плыть.
В его глазах, всё ж, в эту пору

Уставшее от штиля море
Уж колыхалось кое-как.
Знать, был то бури новой знак.

Для многих жизнь – канун событий,
Больших надежд, волнений, бурь,
Как ширь морская пред отплытьем
В невероятную лазурь.
Миров иных предвосхищенье,
И обновленье ощущений.
Как бьётся сердце, дышит грудь,
И счастье обещает путь.

Готовиться и к смерти надо,
Чтоб должного исполнив круг,
Мы были бы безмерно рады
Уйти как каравеллы, вдруг,
Штиль сменится лишь только штормом,
И вместо страшной бездны чёрной
Осветит молния простор,
Открытьем поражая взор.

Он верил и не верил в чудо,
В то, что его спасенье ждёт,
Что он вернётся снова к людям,
И жизни смысл и цель найдёт.
И от житейской качки мучась,
Хотел свою представить участь,
Как мореплаватель вдали
Увидеть хочет край земли.

Но был он – бриг, забывший берег,
Что море долго бороздил.
И было для него безверье
Как паруснику – полный штиль.
Да, верить надо, пусть хоть в случай,
Какой ты б ни был невезучий,
К тебе плывёт он, так и знай,
Как тот осётр, лишь не зевай

.
Должно же что-нибудь случиться,
Жизнь – это славный режиссёр.
И декорации и лица —
Течение дней меняет всё.
И можно уповать на Бога,
Судьбу вымалывать убого,
А можно просто шанса ждать,
Готовиться, а не страдать.

Быть может, новым ветром парус
Его наполнится опять?
Недолго, может быть, осталось
Нам перемены этой ждать?
И что избрало провиденье
Ему служить освобожденьем?
Я это всё веду к тому,
Что случай – бог стучит к нему.

Во что-то верить – каждый вправе,
Вопрос спасения – в цене.
Коль говорят, что жизнь – отравка,
Противоядие – в вине.
Ну, коли нет вина, то в браге,
Глоток веселья и отваги
Даёт надежду и мечты,
И снова в счастье веришь ты.

В тот день он брагой угостился,
Так, горло чуть прополоснул,
В тени кусточка примостился,
И сладко на песке уснул.
Что деньги – средство стать свободным,
Иметь всё, что душе угодно,
Нам говорили много раз.
Да, деньги выручают нас.

Но, чувствуя, что мы их любим,
Берут свою над нами власть
Они тотчас приёмом грубым.
Легко к ним в кабалу попасть.
Да и душе угодно часто
Не то. На них не купишь счастья.
Но это знает только тот,
Безбедно кто давно живёт.

А тот, кто беден, знает точно,
Что дело, всё же, лишь в деньгах.
Иное ж говорят нарочно,
Чтоб не завидовали так.
Известно, деньги – как наркотик,
Имеешь их, и нет заботы.
Их нет, и ломка началась.
Такого не было у вас?

Да, есть заветные желанья.
Такие нам даёт не бес,
Как искус или испытанье,
А Бог иль ангелы с небес,

Чтоб вечным было измененье,
И к совершенному стремленье.
Чтоб не пресёкся род людской
Уныньем, скукой и тоской.

Желанья коль иметь, так только
Те, что нам хватит на года.
На жизнь на целую, надолго.
И рады будем мы тогда,
Когда без разочарований,
Стремясь к вершине всех желаний,
Мы будем стойко вверх идти,
Цель находя в самом пути.

Да, человека зажигает
Желанье чем-то обладать.
Но вот, он цели достигает,
На миг постигнув благодать.
И как охотники за ланью
Уж мчится за иным желаньем,
Забыв трофей, что брошен в пыль,
Что час назад желанным был.

Все мы, порой, рабы желаний,
Играя в прятки каждый раз,
Они, надеждой сердце рая,
Маня, обманывают нас.
То как мираж, то как виденье,
Нам обещают наслажденье,
Но пропадают в тот же миг,
Когда ты цель свою настиг.

То, может быть, нас бес смущает,
Желания внушая нам.
Спокойствие лишь обещает,
Лишая радости и сна.
Мы ж без желаний жить не можем.
На наркоманов мы похожи.
А деньги – словно опий нам,
И часто совесть – им цена.

Так пребывая долго в ломке,
Рабом желанья Павел стал,
И как о маковой соломке
О пачке денег он мечтал.
А тут, гляди, идёт всё в руки:
В кустах висят пиджак и брюки,
А в Волге плещется один
Слегка чуть трезвый господин.

И, видно, господин тот важный:
Поодаль Мерседес стоит,
В траве – бутылки и бумажник.
Что это? Павел с толку сбит.
Он «Паркер» свой в вещах лежащих
Увидел и рукой дрожащей
Взял ручку с вензелем своим.
Он некогда гордился им.

Была то сушая безделка.
Ещё когда он процветал,
Той ручкой подписал он сделку
С партнёром, что его предал.
И вот судьба сыграла шутку.
Пусть всё звучит немного жутко,
Теперь и он, хотя и мог,
Не поспешил, не чуя ног,

Когда, идя ко дну, тот крикнул,
И скрылся под покровом волн,
Потом совсем уж было выплыл.
Наш Павел бровью не повёл.
В чужой костюм переоделся.
Куда бродяга прежний делся...!
Тотчас преобразившись весь,
Он сел в знакомый Мерседес.

Знать, бес живёт не только в водке,
Но и в сомнительной находке.
Он заставляет долг забыть
И вне морали общей жить.
Хотя такое поведенье
Сейчас в период накопленья
У нас в стране почти закон.
Что ж, не был исключеньем он.

Возвращение в общество

Я Павла моего оставил,
Когда отъехал Мерседес.
И это не был прежний Павел.
Он в миг переменялся весь.
В бумажнике нашёл он карту,
(Да, ныне – времена рор аг'а.
Тех карт не ведал Стивенсон,
Теперь другие карты). Он,

Порывшись в бардачке богатым,
Нашёл блокнот, где адреса,
Пинкоды, телефоны, даты,
Их изученьем занялся.
Но шифров банковских и кодов
В статье источников доходов
Не смог в блокноте он найти.
И полчаса провёл в пути.

Приехал в центр и – к банкомату,
Чтобы потом продолжить путь.
Иметь в кармане деньги надо,
Чтоб появиться где-нибудь.
Он в сауне смыл дух бомжёвый,
И вот готов уж к жизни новой,
Наелся ресторанных блюд,
Узнал, квартиры где сдают.

За год заранее внёс ренту,
Вновь стал на завтрак пить «Боржом»,
Привёл в порядок документы
И по сети за рубежом
Зачем – то банк искал в Турине,
Все бросил глупости отныне,
Всё в городе разузнавал
И новый бизнес основал.

Другой, узнав, в чём спрос сегодня,
Дал бы рекламу в тот же час,
Что фирма продаёт по сходной
Цене товар. И оглядась,
Потом, что фирма покупает
Товар тот. Тут же поступают
Заявки. Разница ему
Идёт, понятно почему.

Чтоб деньги отмывать – контора.
И за мифический продукт
Бесперебойно, ровно, споро
Большие деньги уж текут.
Разбогатеv нечестно, Павел
Коттедж просторный бы поставил.
Достиг того, о чем мечтал,
С элитой общаться б стал.

Восстановил, к примеру, связи,
Вернул друзей себе иных,
И постепенно, а не сразу
Вновь прежним Павлом стал для них.
Потом бы сделал он затраты,
Чтобы пробиться в депутаты.
Прикинув, на каких там спрос.
Что ж сделал Павел? Вот вопрос!

Но нет, он не такой пройдоха.
Он честно фирму создаёт.
Он знает, что химичить – плохо.
Кредит он в банке достаёт.
Рабочих нужных нанимает,
Для цеха площади снимает.
Купив машины и сырьё,
Так дело он ведёт своё.

Под именем своим он ожил.
Торговлей занялся опять
И быстро сумму приумножил,
Что в Мерседесе взял, раз в пять.
В нём дар актёрский проявился
И даже внешне изменился,
И был уже не прежним он,
И не по-прежнему умён,

И осторожней, и хитрее,
Хотя сказать, что он забыл,
О том, что жизнь – лишь лотерея,
Нельзя, он так же страстен был,
И роль играл он как на сцене.
Обычно это мы не ценим.
Мы говорим: мошенник, вор.
А он – талантливый актёр.

Но короля играет свита,
А Бога вера создаёт.
В делах таланта важен зритель.
Он нам раскрыть талант даёт.

Встречая взгляд девичий чистый,
Каким становится речистым
Профессор вдруг, а как умён!
Открыть закон способен он,

Стоя за кафедрой своею.
И к магии всё отнеся,
Он вдохновенно перед нею,
Перед студенткой, чудеса
Творит. Когда такой есть зритель,
И вы такое сотворите,
Что удивитесь через час:
Не чёрт ли говорил за вас.

Так мать его отца любила.
Она студенткой той была,
Лет двадцать разницы для пыла
Любви – пустяк. Она цвела.
И он работал неустанно,
Открытья делал постоянно,
Науку двигая вперёд,
И Павлом свой продолжил род.

Тогда узор словно икона
Висел в их спальне на стене,
По всем магическим законам,
Любовь должна бы стать сильней.
Да и сынок рос одарённым,
От разных бед заговорённым,
И стал, как есть, он от того,
Что тот узор хранил его.

Но идолом другим увлекшись,
Оставила семью она.
В обиду смерть любви облекши,
Но есть ли в том её вина?
Сыночка бабке поручила
И для кумира жить решила.
Вспорхнула словно мотылёк.
Летя на новый огонёк.

Встреча с Петром

А кто в театре Павла зритель?
Чьим предназначена глазам
Та роль, которую хотите Понять?
Ответ таков: он сам.
Он вновь в судьбу свою поверил.
Благословенья в высшей сфере
Во всём, что было, видя знак,
Он крыльев ощутил размах.

Он вдруг себе представил ясно,
Что, словно заново рождён,
Он полон сил, и жизнь прекрасна,
И горы сдвинуть в силах он.
И это, видно, всё решило.
Всё доказательством служило
Богоизбранности его,
Он не боялся ничего.

Какой удел готов для Павла?
Неужто век свой проведёт
В приумноженье капитала?
Иль всё же он себе найдёт
И всем талантам примененье?
Везенью, неземному зренью,
Уменью на судьбу влиять
И к лучшему сей мир менять?

И для чего он избран Богом?
Для славы, творчества, заслуг?
Ему об этом очень много
Твердил упорно новый друг —
Когда-то в прошлом астраханец,
А ныне модный иностранец —
Гипнотизёр, то ли факир,
Он Павлу обещал весь мир.

Для душ нестойких привлеченья
Ловушек есть на свете тьма,
Предоставлял он развлеченья,
Для любопытного ума:
Колдун, астролог, прорицатель,
Он то за год, то даже за день
Предупреждал о чем — то нас
По телевизору не раз.

То в переломные моменты
Предсказывал событий ход,
И даже имя президента,
Кого народ наш изберёт.
Его Петром Приволжским звали.
Он переполненные залы
Умел с экрана исцелять
И всех талантом удивлять.

Всех поражал он чудесами,
И вы бы, не найдя подвох,
Сказали б, всё увидев сами,
Что гениален он как бог.
На боулинг еженедельно,
(Подробно и совсем отдельно
Об этом надо говорить,)
Они повадились ходить.

Он Павла удивил, что точно
Мог угадать, что суждено,
Сказать по карточке заочно,
Что человека нет давно,
По линиям руки – что было.
И факты, что уж все забыли,
Он восстанавливал, смеясь,
И с будущим имел он связь.

Пётр рассказал про ряд знамений,
Что видел он про Павла сон,
В котором Богом, без сомнений,
Мессией миру избран он,
Про спиритические знаки.
Что видел он, сидя во мраке,
Над кругом с буквами склонясь,
И что он обнаружил связь

Отдельных слов. Заветом новым
Набор случайных слов предстал,
Что, подчиняясь силе Слова,
Пётр сам посланцем бога стал,
Мессии нового предтечей.
И мир готовить стал он к встрече
Того, кто будет нас водить
Или судом своим судить.

Союза было то началом,
И было нужно, может быть,
Когда факира повстречал он,
Души своей тоску излить.

Чтоб с кем—то просто поделиться,
Приятели есть и девицы,
Но дружба – лучше всех лекарств
Хоть и сомнительна у нас.

От «Октября» они, случилось,
Болтая, шли до номеров,
Где в VIP-гостинице прощались,
Чтоб встретиться на завтра вновь.
Их путь тянулся до канала,
Тюрьму минуя, где, бывало,
Дни Павел проводил в тоске,
Дни засекая на доске.

Пётр рассказал ему о Риме,
Где он с недавних пор живет.
Возникла дружба между ними —
Отдушина от всех забот.
И запросто они общались,
Когда напару возвращались,
Смотря на милые места
С Адмиралтейского моста.

Я, как положено поэту,
Был тоже счастлив посетить
То место на излёте лета,
Когда приятно так ходить
По берегу, вдыхая свежесть,
Мечтать, в лучах закатных нежась,
Поэму наизусть читать,
Или букетом из цитат

Подругу удивить пытаться.
Я снова был безмерно рад,
Что мог пейзажем любоваться,
Вспоминая летний сад
И вод свинцовых колыханье,
Небес свинцовое дыханье,
Дворцов нездешних гордый вид
И берегов иных гранит.

И день, когда просил я долго,
Уже немало лет назад
Знакомую, как гостю с Волги,
Мне показать свой Ленинград.
И был большим театром Питер.
А я как восхищённый зритель,
Был покорён его игрой
И бутербродами с икрой,

Что на трамвайчике мы ели,
И небо было как гризайль,
И меньше на дворцы глядел я,
Чем в серые её глаза.
Мне были улицы как залы
И путников я запоздалых
С часами не связал, была
Она мила, а ночь – бела.

Я думал: что так долог вечер?
Светло, как будто только семь,
Набросил ей пиджак на плечи,
И не хотелось спать совсем.
С чугуновой вязью и дворцами,
Она мне стала близкой самой,
И стала близкой мне Нева.
Так вспомнил я её слова

И всё, что мне так мило было,
Взглянул на здешние мосты,
И от спокойной красоты
Как прежде сердце защемило.
И долго памяти игла
Больную душу бередила.
Я видел: солнце заходило,
Как будто плаваясь на углях,

Но вот погасло, мир уснул.
Всё в ярких блёстках одеяло
На гладь уснувшего канала
Холодный месяц натянул.
И я, как в детстве возле дома
В саду ночном, предался дрёме,
Младые вспоминая дни,
На воду глядя и огни.

Пётр тоже был отсюда родом,
И с родиной хранил он связь.
Домой, чтобы побыть с народом,
Он наезжал в три года раз.
Он был богат, повсюду рядом
Телохранителей отрядом
Незримо был он огражден
И всюду им сопровожден.

Зачем ему был нужен Павел?
Ему, с элитой кто дружил.
Как уважать себя заставил,

Чем Павел дружбу заслужил
Того, что всюду приглашали
И гонорарами прельщали,
Кто книг был автор, чей успех
Почтенье вызывал у всех?

Да, догадаться было можно,
Как Пётр о Павле разузнал.
В кругу друзей неосторожно
Тот о наследстве рассказал.
В математическом журнале
Давно про тот узор писали.
Пётр имя автора нашёл
И справки в городе навёл.

Свой интерес к запискам старым
Он любопытством объяснял
К ещё не признанному дару.
Но он один лишь только знал,
Что в них должна быть скрыта тайна —
Код воскресения, случайно
Который обнаружить мог
В записках старых между строк.

В «Алимпике» шары катая,
Заметил Пётр, как тот умел
Их заговаривать, болтая
О внутренней природе тел.
Вели себя с ним странно вещи.
Сравнить такое даже не с чем...
Но всё принять как волшебство
Не соглашалось большинство.

Кто говорил, что все случайно,
Кто, — что все дело в подсадном.
Но в чудотворство веря тайно,
Все феномен признали в нём,
Когда свидетелями стали
Чудес различных. Руку б дали
На отсечение, что при нём
Реальное казалось сном.

И случаи припоминали,
Как спотыкались все подряд
О те предметы, что убрали
Всего лишь час тому назад.
А просто в это время Павел
Туда туманный взгляд направил
Всем проходившим людям вслед,

Смотря на то, чего там нет

Или когда небрежным взглядом
Он повалил велосипед,
Который был поставлен рядом,
Или когда нанёс он вред
Владельцу стереосистемы.
Вреда ведь все желаем тем мы,
Кто глушит роком весь район,
Врубив на всю свой «громофон».

Или когда из зала выйдя,
В кафе за столик он присел.
Пётр тоже изумился, видя,
Как легкий ветер налетел,
И со стола подняв салфетку,
Её сперва вознёс над веткой,
Потом над Павлом покружил
И прямо в урну положил.

А Павел проследил за этим
Как обладатель ловких рук,
Так, словно мог он все на свете,
Но взгляд поймав, смутился вдруг...
А Пётр был поражён без меры,
И объяснить одной лишь верой
Феномен сей себе не мог.
Он знал – пред ним грядущий бог.

Разговор Петра с Павлом

Ещё сильнее их дружба стала.
Они встречались каждый день.
В отеле из стекла и стали
Вечернюю делили лень.
И с целью, лишь ему известной,
Пётр славную карьерой лестной
Смущать упорно Павла стал
Как Дьявол некогда Христа:

Пётр:

«Я мир хочу облагородить,
Империю Добра создать.
Во мне вином идеи бродят,
Чтоб гениальным планом стать.
И в нём мессией ты намечен,
Я стать готов твоим предтечей.
Мы государство создадим
И будем вместе править им.

И людям всем, в грехах погрязшим,
Назначим к исправленью путь.
Пусть наказание будет страшным
Всем тем, что с нами не пойдут.
Отделим мы от плевел зёрна,
И вывернем их все попкорном,
От Зла очистим навсегда
Обитель беса – города.

Как рассуждает горожанин,
Живущий в каменном лесу,
Располагаясь на диване,
Пожёвывая колбасу? —
Ах, кто б у нас навёл порядок!
Уж то-то были бы мы рады,
Когда как бог, услышав нас,
Пришёл бы кто-то к нам и спас.-

Так уж сложилось понемногу,
Что город – это симбиоз.
Есть компромисс в нем – что от Бога,
От Дьявола – насилья пёс.
В нас город дикость порождает
И в снах дурных сопровождает.
Да, город наш – то зол, то благ,
Он нам – то лучший друг, то враг,

«-Пусть будем биты дикарями
В подъездах тёмных? Где ж нам жить?
Какими нам ходить дворами?
Все властью будем дорожить?
И как бы нам зажить достойно?
Не быть властям коровой дойной,
Кто нас от пут освободит
И царство Хама победит?»

Так думает, пожалуй, каждый,
Устав от страха и тревог.
И в каждом – нравственности жажда,
И нужен миру новый бог
И надобна иная вера.
Бог, что не нравственным примером,
Не озарением сразит,
Но божьим страхом наградит.

Представь, что это ты – Мессия,
Объединишь ты всех в народ,
Кто не за рай, не за Россию,
За справедливость в бой пойдёт.
Ты не прельстишь народы ложью,
Хоть и на истину похожей,
Противоречья дух возрадив
И выход страсти допустив.

Ты милосердие как жажду,
Дашь и как голод доброту,
Гонясь за выгодой, чтоб каждый
Не предавал свою мечту.
Не потому, что есть ученье,
И некто, знающий значенье
Нам заповеданных идей,
А потому, что для людей

Приятней будет добродетель,
К тому же выгодней сто крат.
Осуществи ж идеи эти,
Сойди на землю словно град.
Быть богоизбранными надо,
Чтоб развенчать владыку ада,
Который за завесой слов
Творит в обличье Бога зло.

Тебя я объявлю святыней,
И негодующей толпой
Всех, кто твоё не принял имя,
Кто не склонился пред тобой,

Тебе заставлю покориться,
Или покорным притвориться.
Поверь, сам Бог тебя послал.
Чтоб ты его мессией стал.

Ведь люди ждут живого Бога,
Готовые ему служить,
Не зная, что совсем немного
Им нужно, чтоб счастливо жить.
И потому твое явленье
Подобно будет откровенью,
С экранов буду я вещать
И царство божье обещать.

А ты придешь не как учитель.
Почтенья нет к учителям.
А как пророк и разрушитель,
Ты всех оценишь по делам...» —
Петр Павла убедить стремился,
Как искуситель он явился,
Как некогда к Иисусу бес,
Так может он пророк и есть?
Пётр:
«Хоть путь Христа всех в мире круче,
Уж он не вдохновляет нас,
И проповедь едва ль научит
Добру тех, кто во Зле увяз.
Мы уподобиться стремимся
Тем, может быть, кого боимся.
И Зло воспроизводим мы,
И вечны чары князя тьмы.

Шли в праведники наши предки,
Потомки в панки подались.
Святые есть, хотя и редки,
А честные перевелись.
Куда идёт страна родная!
И как же нам, причины зная,
Так атмосферу поменять,
Чтоб в праведники шли опять?

Чтоб были все друг другу рады,
Как и должно на свете быть.
Всего—то навсего нам надо
Других словно себя любить.
Но слишком разные мы всё же,
И друг на друга не похожи,
И так не моден аскетизм,
Ведь столько обещает жизнь!

Не веруя в сверхчеловека,
А пробудив его в себе,
Мы справимся с угрозой века,
И будем диктовать судьбе.
Ты знаешь, в мире всё возможно,
Нужно лишь время, как ни сложно,
Все чудеса по силам нам.
Ты убедишься в этом сам.

Страна святых ***—лишь первый опыт
Сверхчеловека на земле.
Но был и Ubergensch в Европе,
В Америке был Superman.
Сверхчеловеком быть непросто.
И жизнь вокруг – не дальний остров,
Куда паломники бредут.
Так трудно быть святыми тут,

От мненья света не зависеть,
Ни от богатства, ни от благ,
И голос свой посметь возвысить,
Когда молчать нельзя никак.
А честь – не мнение тусовки,
А ощущение, что неловко
Свободу чью-то попирает
Иль неимущих обирать,

В своих глазах не унижаться,
Сносить легко, когда ты прав,
И издевательства мерзавцев,
И ложь, и зло, и боль расправ.
А смерть Христа – лишь крайний случай,
Зло презирать – намного лучше.
Коль Бог не сходит с неба сам,
К нему подняться нужно нам.

Что будем делать, коль с тобою,
Внезапно будет нам дана
Непредсказуемой судьбою
Большая дикая страна,
Что и грязна и безобразна,
И, не являясь буржуазной,
С Семёркой лучших стала в ряд,
В цивилинный облачась наряд?

В ней Первомайские парады
Объединяют как всегда
Работодателей отряды

И представителей труда.
В ней прогрессивный класс учёный
Вновь бюрократии сплочённой
Отдал всю власти полноту,
Предав народную мечту.

Да, до предсказанного мига,
Когда свои сомкнув ряды,
Народ вздохнёт, стряхая иго
Чиновной сволочной орды,
Мне не дожить», – ответил Павел,

Пётр:

«И всё ж, воспользуйся ты правом Стараться что-то изменить,
Себя чтоб после не винить.»

Павел:

«Но нужно не мечом, а словом,
Подобно Богу побеждать,
Пути не признаю иного,
Но Слово нелегко сыскать,
Которое подобно свету,
Что будет каждому ответом
На всех волнующий вопрос.
И правдой искренней до слёз.

Две истины есть в нашем мире,
Две правды, так уж Бог судил,
Представь, что террорист в квартире
Твою семью вдруг захватил.
А ты, родных людей спасая,
Недолго мучишься, решая,
Гранату бросить или нет,
Какой ты выберешь ответ?

С позиции борьбы с террором,
Нельзя уступок делать тут.
Вот – правда разума, и хором
«Бросай гранату!» – все орут.
Но правда сердца побеждает,
Тебя слова не убеждают.
Так, правдой сердца мы живём,
И сердце этой правдой рвём.»

Пётр:

«Террористическим режимам
Известно, как всех обратить
В заложников. Несокрушима
Стена, и нам за нею жить.
Так, правда чувств – в пути преграда.
А историческая правда
В заложниках у лжи подчас,

Недостижимая для нас.

А значит, к нам освобожденье
Придёт одним ужасным днём,
Не с планами на возрожденье,
А вновь с мечом лишь и огнём?
Да, это больно, это жутко,
Но сделка с Дьяволом не шутка,
Придётся многим заплатить,
За то, что так привыкли жить.

Как проходили перемены
Во времена царя Петра?
Крещение ль, Бога ли отмена
В век затяжного Октября?
Вот нужно так, забыв про жалость,
Которая у нас осталась,
Людей спасать от них самих
Объединив в когорты их.

Как заблужденья с правдой схожи!
Колумб считал, что он достиг
Индийских берегов, и что же?
В своей ошибке он велик.
Не знал, что новый мир открыл он,
Как крылья дал мечту бескрылым,
Которая потом в свой срок
Дала свободы нам урок.

Большевики всех убеждали,
Что в новый мир ведут народ,
Но вопреки их вере, стали
Колумбами наоборот.
Загнав страну в средневековье,
В опричнину и беззаконье,
У ложной истины в плену,
Они вели с судьбой войну.

Свой выбор Богом объявили,
Как жизни, золоту – цены
Не знали, словно инки были
Историей обречены.
И ничего у них не вышло.
Будь рынок то, социализм ли,
Идеи, доходя до масс,
Все искажаются у нас.

Но нам у них учиться надо
Быть непреклонными в борьбе,

На этот раз, борясь за правду,
И беспощадными к себе.
И ни свои, ни чьи-то жизни
Как эти ради коммунизма,
Во имя Правды не жалеть,
И побеждать всегда уметь.»

Пётр, видно, цель себе поставил,
Любой ценою убедить,
Что должен стать стратегом Павел,
Чтоб Зло на свете победить,
Стратег – он мыслит по – другому,
Ему и жалость незнакома
К солдатам из полков своих.
Как пешки жертвует он их.

Кто образ мысли свой навяжет
Бойцам, тот в битве победит.
Порукой круговой их свяжет
И всех конечно, наградит.
И, все оправдывая беды,
Во имя чуждой им победы
Они на смерть пойдут толпой,
Гордясь стратегом и собой.

Так в собственную веру Павла
Пётр постепенно обращал.
И всепрощенье, для начала,
Ему в делах он обещал.

Он говорил:

«Своё решение
Заставит их терпеть лишения.
За выбор свой пойдёт народ
На муки и на эшафот.»

Он говорил ему о разном,
Но чем к себе он привлекал,
Так это тем, что он прекрасно
Всё лицемерье понимал
Всех общепринятых трюизмов
Воинственного гуманизма,
Запретных тем и аксиом,
И смело спорил обо всём.

Пётр:

«Я знаю, полон недостатков
Наш мир, и лишь со стороны

Благообразно все и гладко,
И места нет для Сатаны.
Особенно, когда глядим мы
На результат. Необходимым
Нам кажется пройденный путь,
И жертв не жалко нам ничуть.

Но если посмотреть на цену,
Что платит мир за торжество
Обожествлённой всеми схемы,
То правит всем не божество.
Следим мы за драматургией,
Покуда корчатся другие.
Не видя Зла в процессе сем,
Не зная, кто стоит за всем.

Тот, кто кровавой жертвы хочет,
Он в толпы собирает нас,
Смотря, как давимся, хохочет.
И подзадоривает, злится.
На нас стихии направляет:
Вулканов лаву направляет,
Землетрясения и войну,
И океанскую волну.

Он создал жизнь, как праздник смерти,
Одних другим дал в пищу он,
А в благодать лишь верят дети,
И тот, кто разума лишён.
Зубовный скрип тому не слышен,
Кто ожидает чуда свыше,
Как некогда, когда был мал,
Он от отца подарков ждал.

А кто Христос? взлетевший демон,
Что ложью помогает нам,
Сын Дьявола, нас пожалел он,
И поплатился он сполна.
Нам показал он воскресенье,
Дав нам надежду на спасенье,
И Бога нам придумал он,
Взамен того, кем был рождён.

Не беспощадного и злого,
Пред кем заступник наш он сам,
А доброго и всеблагого,
Творящего все чудеса.
Как разум наш и как мы сами.
Простор открыл он перед нами,

И силы ввысь стремиться дал,
И на кресте за нас страдал.

Поверь мне, в мирозданье этом —
Тот, кто всё создал, – сумасброд.
То мир подарит как конфету,
То, издеваясь, отберёт.
Людей родных и радость жизни
Крадёт у нас как подлый тать.
Наш путь прервав, велит на тризне
Себя хвалить, а не роптать?

Раскинув руки для объятий,
Над ямой, вырытой для нас,
Стоит, готовя нам распятье,
Со сказкой, что нам души спас.
И в западню мы попадаем,
Обман пред смертью осознав,
И безутешно мы страдаем,
Ему последнее отдав.

А это вера и надежда,
Которыми всю жизнь живём,
Не будет ничего, как прежде,
Всё мы в аренду лишь берём.
Как глупые, считаем, дети,
Что всё даётся навсегда,
Мы вере попадаем в сети,
И с ней уходим без следа.

Павел:

«Бог – это истина, мне ясно,
Он высший разум, он закон.
Создать наш мир такой прекрасный
Всё в мире зная, мог лишь он.
И церковь говорит народу:
Он человеку дал свободу
Каким быть – добрым или злым,
Велев сверять поступки с ним.

Да, Бог наш, он живёт не в храме,
Не в толпах с камнями в руках,
Не в небесах за облаками
И не на этих облаках.
Мы в этой жизни столько стоим,
Насколько храм хорош, что строим
Надежде мы в душе своей,
Там жив он до последних дней.

Бог в нас, он в праведных поступках,

Он – вдохновенья, счастья час.
А для тебя – он в мясорубку,
Как супостат бросает нас.
Судьба от нас самих зависит,
Себя унижить и возвысить.
Лишь сами можем и везёт
Тем, кто извне добра не ждёт.»

Пётр:

«История – вся мясорубка.
А эволюция – резец.
Ломается все то, что хрупко,
Бог только выжившим отец,
А остальным – палач кровавый,
Который обладает правом
Обрезать чьей-то жизни нить,
Не пожалеть, не пощадить.

И тайна Бога в том таится,
Что двуедин он и двулик.
Он рая царь и ада рыцарь,
Он и невидим, и велик.
Мы просим, в сущности, в молитвах,
Забыв про все кровопролитья,
Чтоб в прошлом, выметая сор,
Он строже, жёстче вёл отбор,

Надеясь быть в числе сильнейших.
Кто выживет на этот раз
И что окажется в дальнейшем,
Не знает не один из нас.
Чудес предсказанных немало.
Писанье надвое сказало,
Что сам Христос – из их числа,
Что Бог – отец его прислал.

От духа вечного рождённый,
Спасти евреев должен был,
Сменить порядок заведённый,
Поднять умерших из могил.
Еще в дни ветхого завета
Мечтали о посланце этом.
И он, конечно, послан был,
И без разбору всех любил.

Но не за праведность в поступках
Спасти нас всех он обещал
От той последней мясорубки.
Он беззакония прощал
Тем, кто украл и слищемерил,

Но искренне в него поверил,
Раскаившись в свой смертный час.
А самым праведным из нас.

Он веру дал, сказав убогим:
«Вас полюбил спаситель ваш».
Как дети, став едва на ноги,
Идут, держась за карандаш,
Так и они идут за Богом,
Постов кто в соблюденье строгом,
Кто в потакании другим.
И легче жить на свете им.

Касается что предсказанья
Нам о пришествии втором,
Которого как наказанья
Мы хоть боимся, все же ждем...
Уж многими концами света
Пугали нас, его, ж, все нету.
Иль им считать метеорит,
Что вдруг планету разорит?

Иль будет то посланец ада?
Ждём как ацтеки мы чудес.
Те ждали все Кецалькоатля,****
А к ним как Бог сошел Кортес.
Не в том ли скрыта тайна Бога
Из «Откровений»? Понемногу
Я прозреваю сквозь года.
Кого же ждали мы всегда?

Иль он пришел уж незаметно,
Как будто ждали не его?
Не грозным пробуждением Этны,
Не потопленьем островов.
Освобожденьем от неволи
Был звонкий талер, не его ли
Святоши Дьяволом зовут?
Христос неузнанный – он тут.

И в отношениях он насилье
Сменил на пошлый компромисс.
Того ль в молитвах мы просили,
Тому ль в любви своей клялись?
От трона божья одесную
Под музыку, пусть заказную,
Божок торговли заплясал,
И нам плясать с ним предписал.

Сбывается, все ж, обещанье:
Тут первым стать последний смог,
И благо – духом обнищанье.
Торговли и ремесел бог
Услуги измерять монетой
Нас научил, не дав при этом
Рецепта: как полезным быть
И царство божье заслужить.

А кто полезней всех на свете?
Кто движет дело и прогресс?
Порой совсем не благодетель,
А оборотливый купец,
Или удачливый барыга,
За жизнь не прочитавший книги,
Который лишь о том мечтал,
Чтоб приумножить капитал.

Конечно, жалко неумелых,
Дай шанс им, и они смогли б
Свое вести успешно дело
Как каравеллу между глыб.
Но, значит, замысел у Бога —
Отсеять слабых и убогих.
Как прежде он неумолим,
И смысла нет юлить пред ним.

А что касается свободы,
Бог если самоустранил,
Оставив нас с ней и природой,
То элемент излишний – он
И в философских построеньях,
Да и в попытках объясненья
Того, как наш устроен свет,
А значит в мире бога нет.»

Павел:

«Христос был всё ж идеалистом,
А это значит, как Прокруст
Делить на чистых и нечистых
Людей он будет, даже пусть
Из самых лучших побуждений,
В крови утопит, как наш Ленин
Мир в судный день, таков закон.
Антихриста чем лучше он?

Ну, если бы распят он не был,
И мир стал жить, ведомый им,
И он не вознесся б на небо,
А правил царствием своим.

Без денег, проповедью только,
Рай этот длился бы недолго,
И род людской бы жизнь влачил,
И вскоре б в нищете почил.

Порок служить Добру заставил
Антихрист, деньги людям дав,
И эгоизм людской прославил,
На тыс'чу лет царём их став.
Да, может быть, придёт Христос к нам
Когда жизнь наша станет сносной.
Проснётся в людях альтруизм,
И явью станет коммунизм?

Ну, ведь построен же реальный
На Западе социализм
Без революций социальных
Не развитой феодализм,
Который соц'ализма имя
Носил у нас, людьми другими.
Не коммунизма ли рассвет
Сейчас бесплатный интернет?»

Пётр:

«Намерений благих дорога
Ведёт не в Рай, а прямо в Ад.
И прожектёров тоже много,
Что поделить всё норовят.
Адама Смита мы ругаем,
Как будто, в самом деле, знаем,
Чем деньги в мире заменить
И в чём Добро своё хранить.

Все ритуалы соблюдают.
Кто в Мекке, кто в святой Земле,
Кто хлеб кошерный поедает,
Кто – с меткой Кришны на челе...
Всех равно смерть серпом срезает.
Бог все грехи заране знает.
Смерть каждый смертный заслужил,
Не важно, как он жизнь прожил.-

Кто верит в благодать – наивен.
Ведь человек – как таракан.
Он так же гадок и противен,
В бутылку лезет и в стакан.
Он ждёт любви от Бога рьяно,
А тот – как забулдыга пьяный,
За ним, схватив башмак, следит.
Не увернёшься, угодит.

Какую ж вывел он породу,
Отсеивая простаков?
Проныр, пройдох, хапуг и жмотов?
Венец творения каков?
Смеётся он над благородством,
Как над пороком и уродством,
Над честью, совестью, умом,
Сравняв их с грязью и дерьмом.

Хитрец бессовестный и злобный,
Венец распутного ума
Червь подобный иль микробу,
Он грязен как земля сама.
Его расчёты злы и гадки,
И нет в нём никакой загадки.
Он – кукла глупая страстей,
Своих желаний и затей.

И это есть подобье божье?
Иль Бог о нём совсем забыл?
Иль справиться теперь не может
С той силой, что в него вложил.
Жизнь – снежный ком, что вниз стремится.
Она – спектакль без репетиций,
Где случай правит всем простой,
А Бог – лишь зритель пьесы той?»

И мысль, и жизнь – тьма комбинаций,
Как кристаллический узор,
И будет вечно продолжаться
Безволия и воли спор,
Среди безмолвия – мотивы,
Калейдоскопа переливы,
Всё – только глупая игра,
В которой смысла – ни на гран.

Наш разум объяснит и звёзды.
И смысл в бессмысленном найдёт,
А тот, кто этот хаос создал,
Как с мышкой кот игру ведёт.
С небес он в этот мир нас бросил
Искать ответы на вопросы.
И как Хайям я убеждён:
На нас проводит опыт он,

Или заранее всё в мире
Подлунном определено
Творцом пространства и эфира,

И в этом истины зерно.
И всем свои достались роли
Программой данных в жизни лет.
И если есть свобода воли,
То это значит – Бога нет.

И Пётр продолжил речь лукаво:

Пётр:

«Ты думаешь, я атеист.
И циник, ценящий лишь славу,
Но нет, пред совестью я чист.
Когда угрозе подвергался,
Не раз я тоже убеждался,
Что Бог с небес глядит за мной,
И от судьбы хранит шальной.

Ну, ведь не вечно, ж, в самом деле,
Решать за нас был должен он.
Теперь, когда мы повзрослели,
Он вновь в творенье погружён.
А мы хотим, чтобы вещая,
Нас опекая, защищая,
Спасая в самый трудный час,
Он вёл по этой жизни нас.

И даже если Бог – мечтатель,
Далёк он от забот людей,
Жизнь – очень сильно, в результате,
Уходит от благих идей.
О дереве по плоду судят,
И замысел понятен будет,
Когда ты, преданный творцом,
Окажешься в дерьме лицом.

А если миром управляет
Его противник, без кого
Себе Творец не представляет,
Как смогут оценить его?
Всё лишь в сравненье познаётся,
И выбор людям всем даётся:
В бесплодном поиске блуждать
Или прагматиками стать.

И хорошо бы все науки
В единую соединить,
Свою судьбу взять крепко в руки,
И будущего выпрясть нить.
Предусмотреть детали стоит,
Всё рассчитать и обустроить,

Заставив нам служить прогресс
И рай земной построить здесь.

Подумай, Бог нам дал Свободу,
Шанс на успех и на провал.
И есть ли смысл винить природу,
Что банк в игре ты не сорвал!
Он дал нам разума пытливость,
Что толку за несправедливость
Наш мир прекрасный осуждать?
Каких ещё даров нам ждать?

Иль всё на свете – воля Бога,
Или свободу дал он нам?
Противоречий слишком много,
Не раз ты убеждался сам.
А нам решать судьбу планеты.
Не уклоняйся от ответа.
Я жду решенья твоего:
Свободен ты иль раб его?»

Но Павел ничему не верил,
На Бога он обижен был,
Но и пророков Люцифера****+
Умом мятежным не любил.
Он с чем-то мог и согласиться,
Но полностью преобразиться,
Идею восприняв, не мог,
Не важно, чёрт за ней иль бог.

Он понимал, мир яму роет
Себе, хоть нам ещё везёт.
И жертв невиданных не стоит
Всё то, что нам прогресс несёт.
Он говорил, и было ясно,
Что все слова Петра напрасны.
Логических цепей металл
Как мусор Павел разметал:

Павел:

«Не так уж и всемогущ разум.
Он сердца не заменит нам.
Он видит, что не видно глазу,
Не видя солнца среди дня.
Порой служить он равно может
Добру и Злу. Они несхожи,
Но часто путает он их
В своих исканиях земных.

Он ищет средние значенья,

Выводит формул стройных ряд.
Идеи, схемы, обобщенья
Ему о Боге говорят,
Но место Бога занимают,
И Дьявола он принимает
За Бога. Дьявол – идеал,
Что изменяться перестал.

Нам как наркотик – идеалы,
Без них мы не могли бы жить.
Мы всё святыни охраняли,
Не перестав, отнюдь, грешить.
И ход естественный событий
Нарушили, и судеб нити
В клубок запутанный сплели
И оказались на мели.

Нет идеала в мире этом.
И непреложных истин нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.